

ДЖЕЙН ОСТИН

Доводы рассудка



FICTION

Джейн Остин
Доводы рассудка

«Центрполиграф»

1817

Остин Д.

Доводы рассудка / Д. Остин — «Центрполиграф», 1817

Энн Эллиот обладала привлекательной наружностью, тонким умом и мягким, спокойным нравом. Она могла бы стать счастливой, выйдя замуж за лейтенанта Фредерика Вентворта, с которым ее связывало глубокое и сильное чувство, но отказала ему, уступив благоразумным доводам родных и своего тщеславного отца, посчитавшего подобный брак крайне унижительным для благородного рода Эллиотов. Спустя восемь с половиной лет, в которые Энн ни одного дня не забывала о своей любви, она снова встречает Вентворта, теперь уже славного капитана и состоятельного человека, но не надеется найти в нем прежнее чувство и прощение за предательство...

© Остин Д., 1817

© Центрполиграф, 1817

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джейн Остин

Доводы рассудка

Глава 1

Сэр Уолтер Эллиот из Келлинч-холла, что в графстве Сомерсет, относился к числу людей, которые для собственного развлечения никогда не брали в руки иных книг, кроме Книги баронетов. В чтении этом он находил занятие в часы отдыха и утешение в минуты горькие и тревожные; книга эта поднимала его дух, приводила его в восхищение. Он испытывал почтительный трепет, рассматривая скупые свидетельства былого величия старинных родов; при взгляде на древние грамоты, по мере того как он переворачивал страницы с перечислением бесконечных имен прошлого столетия, любые неприятные чувства, явившиеся следствием домашних проблем, незаметным образом сменялись на жалость и презрение ко всему ничтожному; и затем, если уж все остальное было бессильно ему помочь, он мог читать свою собственную историю с никогда не иссякающим интересом. Вот страница, на которой его любимый фолиант неизменно открывался при чтении:

«ЭЛЛИОТ ИЗ КЕЛЛИНЧ-ХОЛЛА

Уолтер Эллиот, родился 1 марта 1760 года, женился 15 июля 1784 года на Элизабет, дочери Джеймса Стивенсона – эсквайра из Саут-Парка, что в графстве Глостер; от этого брака с Элизабет (умерла в 1800 году) он имеет дочерей, Элизабет, 1785 года рождения; Энн, рожденную 9 августа 1787 года; мертворожденного сына от 5 ноября 1789 года; Мэри, рожденную 20 ноября 1791 года».

Именно так первоначально печатался этот параграф в типографии; но сэр Уолтер добавил, для сведения своего и всего семейства, следующую запись после даты рождения Мэри: «обвенчалась 16 декабря 1810 года с Чарльзом, сыном и наследником Чарльза Масгроува – эсквайра из Апперкросса, что в графстве Сомерсет», и проставил день и месяц смерти, когда он потерял свою жену.

Затем следовала история происхождения и преуспевания древнего и уважаемого семейства в традиционных выражениях; как оно впервые обосновалось в Чешире, о чем упомянуто у Дагдэйла, как его представители назначались шерифами, представляли город в трех последовательно сменявших друг друга парламентах, проявляли преданность и достоинство баронетов в первый год правления Карла Второго, со всеми Мариями и Елизаветами, на которых они женились; в общем, целых две великолепно написанные страницы книги большого формата, и в заключение – герб, девиз и слова: родовое имение Келлинч-холл, что в графстве Сомерсет, и в конце снова сделанная рукой сэра Уолтера запись:

«Предполагаемый наследник Уильям Уолтер Эллиот – эсквайр, правнук сэра Уолтера-второго».

Тщеславие – вот имя сему.

Тщеславие насквозь пропитало натуру сэра Уолтера Эллиота, оно пропитало все его существование, от внешнего облика до положения. Необыкновенно красивый в юности, он и в пятьдесят четыре года все еще не растерял своей привлекательности. Немногие из женщин могли бы соперничать с ним в заботе о собственной внешности, и ни один камердинер новоиспеченного рыцаря не мог бы больше восхищаться тем местом, которое он занимал в обществе. Красивую внешность, дарованную небом, ставил он ниже одного только счастья родиться баронетом; и сэр Уолтер Эллиот, объединявший в своей персоне оба этих дара, был постоянным объектом самого горячего почитания и преданности сэра Уолтера Эллиота.

Его привлекательная внешность и положение предполагали одно справедливое дополнение, поскольку ему была необходима жена превосходного нрава, им вовсе не заслуженного. Леди Эллиот была превосходной женщиной, разумной и добросердечной, чье суждение и поведение, не считая юного безумного увлечения, и превратившего ее в леди Эллиот, впоследствии никогда не нуждались в оправдании. Она приноравливалась, или смягчала, или маскировала его слабости и недостатки и поддерживала его респектабельность все семнадцать лет; и, хотя не относилась к числу счастливейших из смертных, находила достаточно радости в своих семейных обязанностях, друзьях и детях, чтобы оставаться привязанной к жизни, и нельзя сказать, что покидала этот мир без сожаления, когда настал ее черед и ей пришлось оставить его. Тяжко было матери завещать трех своих девочек, двум старшим из которых исполнилось шестнадцать и четырнадцать, невыносимо было оставлять их на попечение тщеславного и глупого отца. Она имела, однако, одну очень близкую подругу, разумную, достойную женщину, которая под влиянием сильной привязанности к ней и по ее настоянию поселилась поблизости, в Келлингчестере; и на ее доброту и советы леди Эллиот, главным образом, и уповала, препоручив ей отстаивать в девочках хорошие принципы, которые сама она так стремилась в них развить.

Эта подруга и сэр Уолтер не поженились, как бы нам ни казалось это возможным и естественным следствием их знакомства. Тринадцать лет прошло со дня смерти леди Эллиот, но они по-прежнему были близкими соседями и близкими друзьями, однако один оставался вдовцом, другая – вдовой.

Леди Рассел, женщина солидного возраста и степенного нрава и очень хорошо обеспеченная, должно быть, не имевшая намерения сочетаться вторым браком, не нуждается ни в каких извинениях перед обществом, которое склонно проявлять необоснованное недовольство скорее тогда, когда женщина снова выходит замуж, чем когда она не делает этого, но упорное нежелание сэра Уолтера оставаться в одиночестве требует объяснений. Да будет известно, что сэр Уолтер, как хороший отец (столкнувшись с одним или двумя тайными разочарованиями в крайне неблагоприятных попытках), гордился сохранением одиночества ради пользы дорогих дочерей. Ради одной из дочерей, его старшей, он действительно пожертвовал бы чем-нибудь из того, что он и сам был бы не прочь бросить. Элизабет в шестнадцать унаследовала все, что было возможно, из прав и влияния матери; и, будучи необыкновенно красивой и очень похожей на отца, всегда пользовалась большим влиянием на него, и они прекрасно ладили друг с другом. Две другие дочери представляли для него значительно меньшую ценность.

Мэри приобрела некоторый, весьма относительный вес в его глазах, став госпожой Чарльз Масгроув; но Энн, с присущим ей тонким умом и мягким и спокойным нравом, что само по себе уже должно было возвысить ее среди людей понимающих, была никем и для отца, и для сестры; ее слово не имело никакого веса, ее вечно отодвигали на задний план. Она была для них – всего лишь Энн.

Правда, леди Рассел именно к ней, дорогой крестнице, любимице и другу, питала самые теплые чувства. Леди Рассел любила их всех, но только в Энн она видела повторение ее матери.

Еще несколько лет назад Энн Эллиот была очень привлекательной девушкой, однако ее красота рано увяла, но даже в самом ее расцвете отец не находил в ней ничего, достойного восхищения (настолько разнились ее тонкие черты и кроткие темные глаза с его собственными). Теперь же, когда она похудела и поблекла, в ней вообще не осталось ничего, что побуждало бы его считаться с ней. Он никогда особо и не надеялся, а теперь вовсе потерял всякую надежду когда-либо прочесть ее имя на какой-нибудь иной странице его любимой книги. Все чаяния о достойном их рода союзе отводились Элизабет, поскольку Мэри просто соединила судьбу со старым помещичьим семейством, респектабельным и богатым, и поэтому *отдала* свое имя, не получив ничего взамен. Элизабет же, рано или поздно, выйдет замуж за ровню.

Так иногда случается, что женщину отличает особая красота в двадцать девять лет, и она видится намного красивее, чем была десятью годами раньше; да и в целом по большей части,

если не вмешалось плохое здоровье или страдания, это как раз тот возраст, когда едва ли уже утеряно всякое обаяние. Так было и с Элизабет, все той же красавицей мисс Эллиот, какой она начинала тринадцать лет назад, и поэтому сэра Уолтера легко оправдать, что он забывал ее возраст, ну, или, по крайней мере, считать это лишь отчасти проявлением его глупости, если он видел и себя, и Элизабет по-прежнему цветущими среди всеобщего увядания; ведь не мог же он явно не замечать, как старели все остальные члены его семьи и знакомые. Осунувшаяся и подурневшая Энн, огрубевшая Мэри, все лица в округе становились хуже, а стремительно углублявшиеся птичьи лапки у висков леди Рассел долго вызывали у него душевные муки.

Элизабет, в отличие от отца, не страдала столь явным прекраснодоушием в отношении своего положения. Тринадцать лет видели ее хозяйкой Келлинг-холла, возглавлявшей стол и управлявшей домом с таким самообладанием и решимостью, которые никогда не давали истинного представления о ее столь юном возрасте. В течение тринадцати лет выполняла она почетную миссию и устанавливала порядки дома, первой шла к фаэтону или карете, запряженной четверкой, и сразу же за леди Рассел выходила из всех салонов и гостиных в округе. Тринадцать зим возвращающиеся морозы видели ее хозяйкой бала, который давали они для не слишком обширного своего окружения, и тринадцать весен начинали свое цветение, когда она отправлялась в Лондон вместе с отцом, она и там несколько недель наслаждалась великосветскими развлечениями. Она хранила воспоминания обо всем, она прекрасно осознавала свои двадцать девять, чтобы испытывать некоторые сожаления и некоторые мрачные опасения; и, радуясь непоблекшей своей красоте, она все же чувствовала приближение опасных лет и не отказалась бы присовокупить к этой радости удовольствие получить соответствующее предложение от какого-нибудь баронета в обозримые двенадцать месяцев, ну, максимум еще через год.

Тогда смогла бы она снова вчитываться в книгу книг с таким же рвением, как и в ранней своей юности, пока же она порядком к ней поостыла. Разочаруешься и в этой великой книге, если останешься представленной на ее страницах одной лишь датой своего рождения и не видишь в ней упоминания о браке, не считая дописанных отцом строчек о самой младшей сестре; и не раз, когда отец оставлял книгу открытой на столе подле нее, она захлопывала ее, стыдливо отводя глаза, и отодвигала в сторону.

Кроме того, когда-то давно ее постигло разочарование, о котором каждый раз напоминала ей та книга, особенно история ее собственной семьи, изложенная в ней. Предполагаемый наследник, тот самый Уильям Уолтер Эллиот, эсквайр, чьи права были столь великодушно поддержаны ее отцом, разочаровал ее.

Еще совсем маленькой девочкой, с того самого времени, как узнала она, что этот ее кузен станет, в случае если у нее не появится больше брата, следующим баронетом, возымела она намерение выйти за него замуж, а ее отец всегда поддерживал в ней подобное ее стремление. Сэр Уолтер не знал его в детстве, но вскоре после смерти леди Эллиот стал искать знакомства с наследником своего титула, и, хотя попытки его завязать дружбу были встречены без должной теплоты, он упорно продолжал действовать в этом направлении, извиняя сдержанность и холодность сего молодого человека и объясняя его старание держаться в стороне молодостью; и, во время одного из их весенних посещений Лондона, когда Элизабет была еще в первом расцвете своей юной красоты, мистера Эллиота вынудили быть представленным ей.

Он был в то время очень молодым человеком, только-только приступившим к занятиям по изучению права; и Элизабет нашла его чрезвычайно приятным и лишь утвердилась в своих планах. Он был приглашен в Келлинг-холл; о нем много говорили и его приезда ожидали всю оставшуюся часть года; но он так никогда и не приехал. На следующую весну его вновь встретили в городе, нашли все так же приятным, снова хвалили, приглашали и ожидали с визитом, и снова он не приехал; а затем пришло известие, что он уже женат. Вместо следования пред-

начертанной ему судьбе стать со временем наследником дома Эллиот, он приобрел независимость, соединив себя узами брака с богатой женщиной из более низкого сословия.

Сэр Уолтер негодовал. Как глава рода, он чувствовал, что следовало бы спросить и его совета, особенно после того, как он публично выказывал знаки внимания этому молодому человеку. «Ведь нас должны были видеть вместе, – заметил он, – один раз в Таттерс-холле и дважды в кулуарах палаты общин». Его явное неодобрение было выражено, но с его мнением слишком очевидно мало считались. Господин Эллиот и не пытался предпринять попыток принести извинения и показал себя столь же мало интересующимся дальнейшим вниманием со стороны семьи, сколь сэр Уолтер рассматривал его достойным этого, и колченогое это знакомство между ними прекратилось вовсе.

Эту очень щекотливую историю господина Эллиота, по прошествии нескольких лет, Элизабет вспоминала с гневом. Молодой человек ей нравился и сам по себе, а еще больше как наследник ее отца, чья непомерная гордость за семью могла видеть только в *нем* надлежащую пару для старшей дочери сэра Уолтера Эллиота. Среди всех баронетов от «А» до «Я» не существовало такого, которого она могла бы так охотно признать равным себе. И все же этот несчастный повел себя так жалко, что, хотя она в настоящее время (лето 1814 года) и носила черные ленты траура по его жене, она не могла и мысли допустить, что о нем стоило бы подумать снова. Позор его первого брака можно было бы со временем уладить, поскольку не существовало никаких причин предполагать свершенное вечным, можно было бы считать содеянное пережитком прошлого, не соверши он еще худшего; но он имел, согласно информации доброхотов, обыкновение обсуждать их всех самым пренебрежительным образом и свысока отзываться о семействе, к которому он принадлежал, и той чести, которой ему предстояло со временем удостоиться. Такое не прощается.

Вот каковы были чувства и эмоции Элизабет Эллиот; таковы тревоги, омрачавшие жизнь, вносявшие в нее волнение и смятение, разнообразившие однообразие и элегантность, процветание и небытие, каждую следующую сцену жизни; таковы чувства, придававшие интерес бесконечному, лишенному событий течению жизни в однообразном кругу, заполнявшие безучастную пустоту, в которой не существовало никакой привычки к практической полезности вне дома, как не было никаких талантов или достоинств, способных занять ее дома.

Но теперь и другая забота заняла мысли в добавление ко всему сказанному выше. Ее отца стала беспокоить нехватка средств. Она знала, что, когда он теперь брал в руки Книгу баронетов, он делал это, чтобы отодвинуть прочь увесистые счета лавочников и забыть о неприятных намеках господина Шеферда, своего поверенного. Поместье Келлинч было отличным местом, но оно не отвечало непомерным запросам своего обладателя, сэра Уолтера. Пока жива была леди Эллиот, в нем царили порядок, умеренность во всем и экономия, которая не позволяла превысить расходы над доходами от имения, но вместе с ней умерла и всякая разумность и рачительность, и с того времени он постоянно допускал перерасход.

Для него не представлялось возможным перестать тратить. Он делал только то, что удовлетворяло сэра Уолтера Эллиота; но, как бы мы ни оправдывали его, он не только ужасно погряз в долгах, но слышал об этом так часто, что стал тщетно делать попытку дольше скрывать сам факт, даже частично, от дочери. Он прозрачно намекнул ей на это прошлой весной в городе; он даже решился спросить:

«Не могли бы мы урезать наши расходы? Не знаешь ли ты, на чем мы могли бы сэкономить?» И Элизабет, надо отдать ей должное, в первом порыве женской тревоги заставила себя серьезно задуматься, что могло быть сделано, и наконец предложила такие две статьи экономии, как немного сократить расходы на ненужную благотворительность и воздержаться от приобретения новой обстановки в салоне; и к этому она впоследствии добавила счастливую мысль совсем не тратить на традиционный подарок Энн, который они привозили ей каждый год. Но эти меры, отличные сами по себе, были недостаточны при той реальной степени зла, во

всей глубине которого сэра Уолтера посчитал себя обязанным признаться ей впоследствии. Элизабет не придумала ничего лучше предложенного. Она чувствовала себя обиженной на судьбу и несчастной, так же как и ее отец; и никто из них не находил никакого способа уменьшения своих расходов без того, чтобы не поставить под угрозу достоинство или лишиться комфорта, чего они не в силах были бы вынести.

Сэр Уолтер мог распоряжаться только небольшой частью своего поместья; но, даже имея он право отчуждать землю, ничего не изменилось бы. Он снизошел до того, чтобы заложить все, на что распространялись его права, но он никогда не снизошел бы до продажи ни единого акра. Нет; он никогда не смог бы позволить себе настолько обесчестить свое имя. Поместью Келлинч предстояло перейти дальше целым и неделимым, таким, каким когда-то и он получил его.

Двое доверенных друзей, мистер Шеферд, живший в ближайшем городке, и леди Рассел, были призваны на совет. Отец и дочь, казалось, ожидали, что какое-то неожиданное решение снизойдет на них и избавит их от проблем и уменьшит их траты, но без малейшего ущемления их гордости или привычных пристрастий.

Глава 2

Мистер Шеферд, осмотрительный поверенный в делах, безотносительно того, что мог бы он держать в уме, и независимо от тех видов, которые он имел на сэра Уолтера, предпочел бы, чтобы неприятные вещи произнес кто-то другой, постарался избежать хоть на йоту каких-либо предположений, уклонившись даже от намека, тонко сославшись на превосходное суждение леди Рассел, благоразумие которой позволяло, по его мнению, ожидать в ее советах только таких решительных мер, которые он хотел бы видеть в конце концов принятыми.

Леди Рассел глубже всех с тревогой раздумывала о предмете обсуждения и посвятила серьезному обдумыванию этого вопроса много времени. Она была сторонницей обоснованных и взвешенных решений, но не отличалась живостью ума, поэтому решения давались ей с трудом в любом случае, а в этот раз они были тягостны вдвойне из-за непримиримого противостояния двух главных действующих лиц. Она сама следовала определенному кодексу чести, в утонченном смысле этого понятия; поэтому она жаждала спасения чувств сэра Уолтера, одновременно заботясь о добром имени семейства, такого до мозга костей аристократичного по ее представлениям, размышляя о том, что пойдет им на пользу, как и любой здравомыслящий и честный человек на ее месте. Эта доброжелательная, отзывчивая, добрая женщина, способная к сильным привязанностям, на удивление правильная в своем поведении, строго соблюдала собственное понимание этикета, с манерами, которые отличали человека с хорошим происхождением и воспитанием. Она обладала развитым умом и была, вообще говоря, рациональна и последовательна; но она страдала предубеждениями в отношении родословной; она была высокого мнения о титулах и положении в обществе. Это делало ее немного снисходительной к ошибкам тех, кто обладал ими. Будучи всего лишь вдовой рыцаря, она отдавала должное достоинству баронета; и сам по себе сэр Уолтер, не говоря уже о правах старого знакомого, внимательного соседа, любезного землевладельца и к тому же мужа очень дорогой ее сердцу подруги, отца Энн и ее сестер, в ее понимании сэр Уолтер имел право на признаки сочувствия и участия с ее стороны в разрешении такого затруднительного положения, в котором по своей вине и оказался.

Они должны были сократить свои расходы, в этом не было сомнений. Но она очень стремилась сделать это для него и Элизабет с наименее болезненными последствиями из всех возможных. Она составила планы экономии, она все точно рассчитала, и она сделала то, что никто еще не додумался сделать: она посоветовалась с Энн, по мнению остальных, вовсе не проявляющей никакого интереса к данной теме. Она посоветовалась и в некоторой степени под влиянием своей крестницы наметила план сокращения расходов, который и был наконец представлен сэру Уолтеру. Каждое изменение, вносимое Энн, было скорее проявлением добродетели и скромности, нежели важности. Она была сторонницей применения более энергичных мер, желая кардинальных преобразований и скорейшего освобождения от долгов, демонстрируя куда более высокую степень безразличия ко всему, кроме справедливости и равенства.

– Если мы сможем убедить твоего отца согласиться на все эти меры, – сказала леди Рассел, просмотрев свои записи, – многое можно было бы поправить. Если он предпримет все эти меры, через семь лет он избавится от долгов; и я надеюсь, что мы сумеем убедить его и Элизабет, что Келлингхолл сам по себе сохранит респектабельность, на которую не повлияют эти меры экономии. Если он будет принципиален, достоинство сэра Уолтера ни на йоту не пострадает в глазах разумных людей. Что он будет делать, на самом деле, так это только то, что многие из наших первых семейств и сами делали или должны были бы сделать. Не будет ничего неестественного или исключительного в его случае, ведь именно исключительность нашего поведения часто причиняет нам самое худшее страдание. Я питаю большую надежду уговорить и убедить их. Мы должны быть серьезны и решительны; ибо, в конце концов, человек, наде-

лавший долгов, должен платить по ним; и хотя существуют определенные условности, и многое зависит от чувств джентльмена и главы дома, каковым и является твой отец, но в большей степени все проистекает из характера честного человека.

Энн хотела, чтобы друзья отца сумели убедить его опираться в своем поведении на эти принципы. Она считала обязательным, не допускающим никаких отступлений требованием избавиться от всех претензий кредиторов со всей поспешностью, которую самые всесторонние меры экономии могли бы гарантировать, и не видела никакого проявления достоинства в чем-нибудь кроме этого. Она хотела, чтобы ее слова прозвучали и были восприняты как должное. Она высоко ценила влияние леди Рассел и, исходя из крайней степени самоотречения, которую диктовала ей собственная совесть, полагала, что возникнет не намного больше трудностей в убеждении отца и сестры предпринять как можно скорее полное, нежели частичное преобразование. Зная своего отца и Элизабет, она понимала, что обоим пожертвовать одной парой лошадей будет едва ли возможно, и в том же духе по всему списку и без того щадящих мер по сокращению расходов, составленному леди Рассел.

Как могли бы быть восприняты куда более жесткие ограничительные меры, предлагаемые Энн, было уже несущественно. Меры, разработанные леди Рассел, и то не имели вообще никакого успеха; с ними и то нельзя было примириться, их нельзя было принять.

Как! Лишиться всех жизненных прелестей! Поездок, Лондона, прислуги, лошадей, стола – повсюду урезания и ограничения! Лишить себя удобств, приличествующих даже самому обыкновенному рядовому джентльмену! Нет, лучше сразу оставить Келлингхолл, чем оставаться в нем на таких позорных условиях.

Оставить Келлингхолл!

Мистер Шеферд, чьи интересы также затрагивала реальная угроза сокращения расходов сэра Уолтера и который был совершенно убежден, что ничего нельзя сделать без перемены места жительства, немедленно подхватил идею. «Поскольку идея поступила от самого сэра Уолтера, который и должен диктовать свои условия, у него, у Шеферда, не осталось никаких сомнений, – сказал он, – в том, чтобы признать, что он полностью за подобное решение. Ему и в голову не приходило, будто сэр Уолтер мог существенно изменить стиль жизни в доме, в котором требовалось поддерживать традиционное гостеприимство и достоинство. В любом другом месте сэр Уолтер мог бы решать сам за себя и мог бы улучшить состояние своих дел, регулируя свой образ жизни любым способом, который ему заблагорассудится выбрать для ведения своего домашнего хозяйства».

Сэру Уолтеру предстояло покинуть Келлингхолл; и после еще нескольких дней сомнений и нерешительности великий вопрос о том, куда ему следовало бы отправиться, был улажен и первые контуры этого важного изменения прорисованы.

Наскидку существовало три варианта: Лондон, Бат или другой дом в сельской местности. Все помыслы Энн сосредоточились на последнем варианте. Маленький дом, где-нибудь поблизости, где они могли бы по-прежнему видеть леди Рассел в своем обществе, оставаться поблизости от Мэри и все так же наслаждаться видом лужаек и рощ Келлингч, – вот каково было ее заветное желание. Но обычный рок Энн определял их выбор и на сей раз, и, вопреки всем ее порывам, они отдали предпочтение совершенно иному. Она терпеть не могла Бат и не считала, что он подходит ей, но Бату суждено было стать ее домом.

Сэр Уолтер сначала больше склонялся в пользу Лондона; но мистер Шеферд чувствовал, что доверие к нему в Лондоне сильно пошатнулось бы, и приложил все свое искусство убеждения, чтобы отговорить его от этого шага и сделать выбор в пользу Бата.

Это было намного более безопасное место для джентльмена в его затруднительном положении: он мог бы не потерять там свою значимость при сравнительно небольшом расходе. Двум материальным преимуществам Бата по сравнению с Лондоном конечно же все воздали долж-

ное: его куда менее значительному удалению от Келлинча, всего в пятьдесят миль, и тому, что леди Рассел проводила какую-то часть каждой зимы там; и к самому большому удовлетворению леди Рассел, которая с самого начала ратовала за планируемый переезд в Бат, сэр Уолтер и Элизабет были склонны дать себя уговорить, что им не придется потерять ни значимости своего положения, ни удовольствий, переселившись туда.

Леди Рассел чувствовала себя обязанной выступить против известных ей желаний своей любимицы Энн. Было бы слишком уж ожидать, будто сэр Уолтер снизойдет до небольшого домика в ближайшем соседстве от своих владений. Самой Энн подобная жертва принесла бы больше разочарования, чем она предполагала, а для чувств сэра Уолтера эта жертва была бы просто ужасна и невыносима. А что касается неприязни Энн к Бату, она видела в этом отношении только предубеждение и ошибку, вызванную, во-первых, не чем иным, как обстоятельствами пребывания в школе в течение трех лет после смерти матери; а во-вторых, не слишком хорошим расположением духа в ту единственную зиму, которую она впоследствии провела в Бате в гостях у самой леди Рассел.

Короче говоря, леди Рассел, предпочитая Бат, расположена была думать, что это место могло бы удовлетворить их всех; а что касается здоровья ее юного друга, то, проводя все жаркие месяцы в гостях у нее в Келлинч-лодж, Энн и так избежит всякой опасности; а на самом деле подобные перемены должны благотворно повлиять на ее здоровье и душевный настрой. Энн слишком редко покидала дом, слишком мало видела. Следовало поднять ее дух. Большое общество могло повлиять на это положительно. Она хотела, чтобы о девушке узнали.

Нежелательность выбора любого другого дома в окрестностях для сэра Уолтера была, конечно, очень усилена еще одной, и очень существенной частью плана, который был счастливо оглашен в самом начале. Ему предстояло не только покинуть свой дом, но и видеть его в чужих руках: испытание, которое и более крепкие головы, чем сэр Уолтер, нашли бы слишком жестоким. Келлинч-холл должны были сдать в аренду. Это, однако, сохранялось в глубокой тайне, и не следовало распространяться об этом за пределами своего домашнего круга.

Сэр Уолтер мог не перенести унижения, если бы кто-то узнал о его решении сдать свой дом. Мистер Шеферд однажды упомянул слово «объявление», но после этого не посмел еще раз приблизиться к этому снова.

Сэр Уолтер с презрением отверг саму мысль о возможности публично предлагать свой дом внаем, запретил даже малейшие намеки на наличие у него подобного намерения и объявил, что он позволит произойти этому вообще только при гипотетическом стихийном появлении совершенно неожиданного претендента и только на своих собственных условиях, притом в качестве огромного одолжения.

Как быстро находят причины для одобрения понравившейся нам идеи! У леди Рассел под рукой оказалась другая превосходная причина испытывать чрезвычайное удовлетворение, что сэр Уолтер и его семья должны были уехать из поместья. У Элизабет в последнее время возникли очень близкие душевные отношения, которые леди Рассел желала бы видеть прерванными. А именно с дочерью мистера Шеферда, вернувшейся в дом своего отца после неудачного брака и обремененной двумя детьми. Эта особа была умна и знала искусство угождения в той мере, в какой оно оказалось приемлемым для Келлинч-холла, и сделала себя столь желанной для мисс Эллиот, что уже не однажды гостила у нее, несмотря на предостережения леди Рассел, считавшей эту дружбу крайне неуместной, и ее просьбы быть осмотрительней.

Леди Рассел действительно едва ли имела хоть какое-нибудь влияние на Элизабет, да и, похоже, любила ее скорее потому, что ей следовало любить ее, чем потому, что Элизабет заслуживала такого отношения с ее стороны. Подруга матери никогда не получала от нее знаков внимания, кроме обычного вежливого обхождения в рамках традиционного соблюдения приличий; и ни разу леди Рассел не удавалось ничего добиться, если ее рассудительность шла

вразрез с намерениями самой Элизабет. Леди Рассел неоднократно предпринимала серьезные попытки включить и Энн в планы посещения семьей Лондона, всегда чувствительно отзываясь на всю несправедливость и всю бесчестность эгоистичных мер, направленных на лишение девушки этого удовольствия, и по многим менее значительным поводам прикладывала усилия по исправлению мнения Элизабет в пользу ее лучшего суждения, но всегда тщетно: Элизабет предпочитала идти своим путем, но никогда ранее не вставала в более решительную оппозицию к мнению леди Рассел, чем в этом выборе миссис Клэй, и, избегая общества столь достойной своей сестры, дарила свою привязанность и оказывала доверие той, с кем ее не должно было связывать ничего, кроме сдержанной и холодной любезности. Леди Рассел видела в миссис Клэй не только неподходящую, но, исходя из ее характера и наклонностей, и очень опасную компаньонку; и переезд, который оставил бы миссис Клэй позади и предоставил бы мисс Эллиот возможность более подходящего выбора, превращался поэтому в цель первостепенной важности.

Глава 3

– Позвольте мне заметить, сэр Уолтер, – начал мистер Шеферд как-то утром в Келлинч-холле, отложив в сторону газету, – что существующее стечение обстоятельств очень даже в нашу пользу. Этот мир высадит всех наших разбогатевших морских офицеров на берег. Они все пожелают обзавестись домом. Вряд ли можно было бы найти лучшее время, сэр Уолтер, для подбора арендаторов, очень надежных арендаторов. Многие благородные состояния были сделаны за время этой войны. Если богатый адмирал появится на нашем пути, сэр Уолтер...

– Ему здорово повезет, Шеферд, – закончил за него фразу сэр Уолтер. – И это все, что я должен отметить. Для него Келлинч-холл действительно стал бы желанным призом, пусть он и приобрел чрезвычайно много до этого, так, Шеферд?

Мистер Шеферд рассмеялся, поскольку он знал, что от него этого ждали, и, отсмеявшись, добавил:

– Позволю себе заметить, сэр Уолтер, что в денежных вопросах хорошо иметь дело с флотскими джентльменами. Я приобрел некоторое знание их методов ведения дел; и я позволю себе признать, что они имеют очень либеральные понятия и столь же вероятно могут превратиться в желательных арендаторов, как любая другая категория людей, с которой вам доведется встретиться. Поэтому, сэр Уолтер, я взял на себя смелость заметить, если вследствие любых просочившихся слухов относительно вашего намерения – а это следует принять во внимание как возможную вероятность, поскольку мы знаем, насколько трудно сохранить действия и планы одной части мира в тайне от внимания и любопытства другой, к тому же ваше влиятельное положение имеет свои издержки; я, простой Джон Шеферд, мог бы скрыть любые семейные проблемы от общества, поскольку никто не считает меня заслуживающим внимания и времени, но сэру Уолтеру Эллиоту оказывается крайне трудно уклониться от людских глаз, поэтому я отважусь заметить, что меня не слишком удивит, если, при всех предпринятых нами предосторожностях, некоторые слухи о правде все-таки будут распространяться; и в ожидании этого, как я собирался отметить, а заявки, бесспорно, последуют, я бы осмелился предположить, что любое предложение от наших богатых морских командиров особенно заслуживает внимания с вашей стороны, и с вашего разрешения хотел бы добавить, что мне хватит двух часов в любое время, чтобы избавить вас от беспокойств, связанных с необходимостью давать ответ.

Сэр Уолтер только кивал. Но чуть позже, встав со своего места и прогулявшись по комнате, он саркастически заметил:

– Найдутся немногие среди этих флотских господ, как мне представляется, кто не откроет рот от удивления, оказавшись в подобном доме.

– Они станут озиаться по сторонам, это без сомнения, и благословлять свою удачливую судьбу, – вставила миссис Клэй, ибо миссис Клэй присутствовала там же: ее отец привез ее с собой, ибо ничто не оказывало столь благотворного влияния на здоровье миссис Клэй, как поездка в Келлинч, – но я весьма согласна с моим отцом в его рассуждениях о том, что моряк мог бы быть очень желанным арендатором. Я знавала многих представителей этой профессии; и, помимо их щедрости, они так опрятны и аккуратны во всех отношениях! Эти ваши ценные картины, сэр Уолтер, если бы вы предпочли оставить их здесь, остались бы в совершенной сохранности. Обо всем в доме и вокруг него будет проявлена превосходная забота! Сады и аллеи парка сохранились бы в почти таком же образцовом порядке, как и теперь. Вы не должны беспокоиться, мисс Эллиот, что ваши очаровательные цветники окажутся в запущенном состоянии.

– По поводу всего этого, – холодно отреагировал сэр Уолтер, – допускаю, что вынужден сдать в аренду свой дом, но ни в коем случае я не составил еще своего мнения об остальных

привилегиях, которые присоединю к этому. Я особенно не расположен оказывать полную благосклонность арендатору. Парк конечно же будет доступен ему и нескольким морским офицерам или каким-то там еще людям любого другого разряда, они могут воспользоваться этим благом; но какие ограничения я могу наложить на использование площадок для игр и садов – это уже другое дело. Я не в восторге от мысли, что мои аллеи, обсаженные кустарником, всегда будут доступны; и я должен рекомендовать мисс Эллиот поостеречься в отношении своего цветника. Я очень мало расположен предоставить арендатору Келлинг-холла экстраординарный фавор любого рода, ручаюсь вам, будь он моряк или солдат.

– Во всех этих случаях имеются установленные правила использования, которые устраняют препятствия в отношениях между владельцем и арендатором. Ваши интересы, сэр Уолтер, находятся в очень надежных руках. Положитесь на меня, и я позабочусь, чтобы никакой арендатор не имел больше, чем предусмотрено его правами. Я рискую намекнуть, что сам сэр Уолтер Эллиот не сможет и вполнину столь ревностно позаботиться о себе, как Джон Шеферд станет соблюдать его интересы в этом вопросе, – позволил себе заметить мистер Шеферд после короткой паузы.

– Флотские, я думаю, сделавшие так много для нас, имеют по крайней мере равные права с любыми другими на все удобства и все привилегии, которые любой дом может предоставить. Моряки тяжелым трудом заработали себе право на тот комфорт, который мы должны им обеспечить, – неожиданно вступила в разговор Энн.

– Очень верно, очень верно. Мисс Энн говорит очень верные слова, – отозвался мистер Шеферд.

– О! Конечно, – то был возглас его дочери.

Но от сэра Уолтера они вскоре услышали:

– Эта профессия имеет свою определенную пользу, но мне было бы жаль видеть любого из своих друзей принадлежащим к этой категории.

– Неужели! – последовало в ответ, причем к этому возгласу добавились удивленные взгляды.

– Да, это неприятно мне по двум причинам, у меня есть два серьезных фундаментальных возражения против этой профессии. Во-первых, как являющейся средством пропитания для людей неясного происхождения, поднимающей их до неуместного для них уровня и воздающей этим людям почести, о которых их отцы и деды даже никогда и не мечтали; и, во-вторых, поскольку она сокращает юность человека и энергию самым ужасным образом, моряк стареет быстрее, чем любой другой человек. Я наблюдал за этим всю свою жизнь. Мужчина на флоте подвергается большей опасности быть оскорбленным тем, что его обойдут, повысив в звании того, с чьим отцом его отец счел бы ниже своего достоинства даже заговорить, и самому подвергнуться неуместному в его случае пренебрежению, чем в любой другой ситуации. Однажды, прошлой весной, в городе, я был в компании с двумя мужчинами, поразительный пример в подтверждение моих слов: лордом Сент-Ивом, отца которого, сельского vicar, все мы знаем, ему и на хлеб-то едва хватает, – а я должен был уступить место лорду Сент-Иву и некоему адмиралу Болдуину, персонажу с наиболее плачевной внешностью, какую вы только можете себе представить; его лицо цвета красного дерева, огрубевшее и морщинистое до крайней степени, все в бороздах и морщинах, девять седых волосков на висках и слегка припудренный затылок. «Во имя всех святых, кто это – вон тот старик?» – поинтересовался я у своего друга, стоявшего рядом (то был сэр Бэзил Морли). «Старик! – вскричал сэр Бэзил. – Да это – адмирал Болдуин. Сколько, вы думаете, ему лет?» – «Шестьдесят, – ответил я, – или, возможно, шестьдесят два». – «Сорок, – поправил меня сэр Бэзил, – сорок, и ни годом больше того». Вообразите себе степень моего изумления: я так легко не смогу забыть этого адмирала Болдуина. Я никогда не видел такого невероятно несчастного примера, как жизнь на море может испортить внешность; но в некотором смысле это же самое происходит с ними со всеми: они страдают от

воздействия климата и любой погоды, пока их не заметят и не оставят на берегу. Уж лучше бы они получали снаряд в голову, чем так мучиться, как адмирал Болдуин.

– Ну что вы, сэр Уолтер, – вскричала миссис Клэй, – это слишком сурово. Проявите немного милосердия к беднякам. Не все мы рождены красивыми. Море, конечно, не способствует красоте, моряки очень рано стареют, я часто наблюдала это, они быстро утрачивают юношеское обаяние. Но разве не то же самое происходит и со многими другими профессиями, возможно даже – с большинством из них. Солдаты на действительной службе несколько не выигрывают по сравнению с моряками; и даже в более спокойных профессиях, где есть тяжелый труд и умственное напряжение, если не физическое, эти профессии редко доверяют внешность человека естественному ходу лет. Юрист упорно корпит над делами, до предела замученный заботами; врач пребывает на ногах в любое время суток и отправляется в путь в любую погоду; и даже священнослужитель (она остановилась на мгновение, что бы такое придумать для пастора), и даже священнослужитель, вы знаете, обязан входить в полные заразой комнаты и подвергать свое здоровье и внешность угрозе и ущербу от зловонной атмосферы. Фактически, и я давно в этом убедилась, хотя каждая профессия необходима и благородна по своему, только на долю тех, кто не обязан ее иметь, кто может соблюдать правильный образ жизни, жить в поместье, сам распоряжаться своим временем, распределяя свои повседневные занятия, проживая на доходы от собственности и не добывая себе большего благосостояния в муках; только на *их* долю выпадает жребий, полагаю я, наслаждаться благословением здоровьем и хорошим внешним видом в полной мере, – я не знаю никакого иного круга людей, кто с возрастом не терял бы своей привлекательности.

Создалось впечатление, будто мистер Шеферд, в своем беспокойстве заранее расположить сэра Уолтера к морским офицерам в качестве арендаторов, был одарен предвидением; так как самое первое обращение с просьбой сдать в аренду дом поступило от адмирала Крофта, с которым он вскоре после того разговора оказался в одном обществе во время посещения ежеквартального собрания в Тонтоне; и, как показало время, он получил предупреждение об адмирале от своего информатора в Лондоне. В соответствии с текстом сообщения, с которым он поспешил в Келлинч, адмирал Крофт был уроженцем графства Сомерсет, и теперь, владея значительными средствами, желал поселиться в своем графстве, он приехал в Тонтон, чтобы осмотреть некоторые места в близлежащих окрестностях, о которых вычитал в объявлениях о сдаче в аренду и которые, однако, не удовлетворили его; случайно услышав (ведь, как и предсказывал мистер Шеферд, о чем тот не преминул напомнить, намерения и заботы сэра Уолтера не могли оставаться в тайне) о возможной и предполагаемой сдаче внаем Келлинч-холла и узнав об его (мистера Шеферда) отношениях с владельцем поместья, он представился ему с тем, чтобы уточнить некоторые вопросы, и, в ходе довольно длинной беседы, проявил такое сильное желание поселиться там, какое только может проявить человек, знакомый с ним лишь по словесному описанию, и предоставил мистеру Шеферду, в подробном отчете о себе, все доказательства своей крайней надежности в качестве приемлемого арендатора.

– А кто это, адмирал Крофт? – последовал холодный, подозрительный вопрос сэра Уолтера.

Мистер Шеферд объяснил, что адмирал из семьи джентльмена, и упомянул местность, и Энн, после небольшой паузы, добавила к этому:

– Он военно-морской контр-адмирал. Принимал участие в Трафальгарском сражении и с тех пор жил в Восточной Индии; кажется, он прожил там несколько лет.

– Тогда я принимаю как очевидное, – заметил сэр Уолтер, – что его лицо примерно такого же оранжевого цвета, как манжеты и накидки моей ливреи.

Мистер Шеферд поспешил поручиться, что адмирал Крофт был очень решительным, но дружелюбным человеком, с приятной внешностью, правда, чтобы быть точным, несколько потрепанной ветрами, но не слишком много, и весьма достойный джентльмен в своих выска-

званиях и поведении; вряд ли возникнут хоть малейшие трудности при выработке условий сдачи дома внаем, ему всего лишь нужен удобный дом, куда можно было бы вселиться, и как можно скорее; он знает, что ему придется заплатить за свое удобство; соответственно знает, в какую арендную плату ему обойдется дом со всей обстановкой; скорее всего, не удивился бы, если бы сэр Уолтер запросил больше; поинтересовался помещением; конечно же был бы доволен делегированием прав, но не придавал этому особого значения; сказал, что иногда берет в руки ружье, но охотник из него никакой; весьма джентльмен.

Мистер Шеферд проявил красноречие, указывая на все обстоятельства, связанные с семейным положением адмирала, которое делало его особенно желательным арендатором. Он был женат, но бездетен; лучшего и желать было нельзя. Дом никогда не бывает в должном порядке, отметил мистер Шеферд, без хозяйки, он не стал бы ручаться за сохранность мебелировки при отсутствии хозяйки или слишком большом количестве детей. Леди, не обремененная детьми, лучший в мире хранитель мебели. Повидал он и миссис Крофт; она также была в Тонтоне с адмиралом и присутствовала почти все время, пока они обговаривали дело.

– И она показалась мне очень учливой, благородной, проникательной леди, – продолжал он; – задавала намного больше вопросов о доме, условиях найма и налогах, чем сам адмирал, и, видимо, более сведуща в деловых вопросах; и, кроме того, сэр Уолтер, я обнаружил, что она больше связана с нашими местами, чем даже ее муж; то есть она – сестра джентльмена, который когда-то жил среди нас, она сказала мне это сама, она сестра джентльмена, который жил несколько лет назад в Монкфорде. О боже! Как его имя? Никак не могу вспомнить его имя, хотя я слышал его совсем недавно. Пенелопа, дорогая, может, ты сможешь мне вспомнить имя джентльмена, жившего в Монкфорде, – брата миссис Крофт?

Но миссис Клэй так оживленно беседовала с мисс Эллиот, что не расслышала обращения в свой адрес.

– Не имею ни малейшего представления о том, кого вы можете иметь в виду, Шеферд; я не помню ни одного джентльмена, кто жил бы в Монкфорде, со времени старого отца Трента.

– Боже мой! Как странно! Полагаю, скоро я забуду свое собственное имя. Имя, с которым я так хорошо знаком; даже прекрасно знаю, как выглядел тот джентльмен; встречался с ним сотни раз; как-то он приходил ко мне за советом, я помню, как один из его соседей нарушал чужое право владения; человек фермера забрался в его сад; сломанная изгородь, украденные яблоки: был пойман с поличным; и впоследствии, вопреки моему мнению, они мирно решили спор. Действительно, как странно!

Возникла продолжительная пауза.

– Вы имеете в виду мистера Вентворта, я полагаю? – сказала Энн.

Мистер Шеферд преисполнился благодарности:

– Вентворт – да, так его звали! Мистер Вентворт, именно он. Помните, сэр Уолтер, какое-то время назад он имел приход в Монкфорде, в течение двух или трех лет. Прибыл туда, как мне кажется, году в пятом, да именно. Вы же помните его, я уверен.

– Вентворт? О да! Мистер Вентворт, викарий из Монкфорда. Вы ввели меня в заблуждение, употребив термин *джентльмен*. Я думал, вы имеете в виду кого-то, кто владел там собственностью. Мистер Вентворт не принадлежал к обществу, ничего не имел общего с семейством Страффорд, он был никем. Можно только удивляться, как имена многих из нашей знати становятся такими банальными.

Поскольку мистер Шеферд почувствовал, что эти родственные связи Крофтов не слишком подняли их в глазах сэра Уолтера, он больше не упоминал о них, со всем своим рвением вернувшись к обсуждению обстоятельств, более бесспорно служивших в их пользу: их возраста, и количества, и материального положения, высокого мнения, сложившегося у них о Келлингхолле, и чрезвычайного желания воспользоваться возможностью арендовать дом; и к созданию впечатления, будто для этой семейной пары ничто не могло бы сравниться со

счастьем являться арендаторами у сэра Уолтера Эллиота: проявляя при этом удивительную догадливость в том, какие качества ожидает увидеть у своих арендаторов сэр Уолтер.

Его старания, как ни странно, дали результаты; и хотя сэр Уолтер конечно же по-прежнему с неприязнью относился к любому, кто собирался поселиться в его доме, и считал, что даже при максимально высоких ставках это было бы слишком большим благодеянием для них, но позволил себя уговорить дать мистеру Шеферду разрешение продолжить переговоры и поручил ему нанести визит адмиралу Крофту, который все еще оставался в Тонтоне, и установить день для осмотра дома.

Сэр Уолтер не отличался большим благоразумием, но тем не менее он приобрел достаточно опыта в познании мира, чтобы почувствовать, что более приемлемого во всех отношениях арендатора, каким казался адмирал Крофт, он едва ли мог ожидать. Это подсказывал ему разум, что же до его тщеславия, так оно получило некоторое дополнительное успокоение в общественном положении адмирала, всего лишь достаточно высоком, но и не слишком высоком.

«Я сдал мой дом адмиралу Крофту» – это звучало бы очень хорошо; намного лучше, чем любому простому мистеру ..., мистер (за исключением, возможно, каких-то шести человек на всю страну) всегда нуждается в некотором пояснении. За адмирала говорит уже его собственное звание, и, одновременно, адмирал никогда не сможет принизить баронета. Во всех их деловых отношениях и общении сэр Уолтер Эллиот всегда останется выше.

Ничто не могло быть сделано без одобрения Элизабет, но ее так захватила идея отъезда, что она была счастлива покончить с этим, тем более оказался под рукой арендатор, – и не сказала ни слова против.

Мистеру Шеферду предоставили окончательные полномочия действовать; и, как только собеседники пришли к такому заключению, Энн, самая заинтересованная слушательница происходившего обсуждения, покинула комнату, чтобы подставить свои пылающие щеки прохладному воздуху, и, прогуливаясь по своей любимой роще, произнесла с тихим вздохом:

– Еще несколько месяцев, и *он*, возможно, станет прогуливаться здесь.

Глава 4

Со стороны могло показаться, что *он* – это мистер Вентворт, прежний пастор Монкфорда, однако думала она о капитане Фредерике Вентворте, его брате, который после присвоения ему звания капитана третьего ранга в результате военных действий в Сан-Доминго, не получив нового назначения, прибыл в Сомерсет летом 1806 года и, не имея родительского дома, поселился на полгода в доме своего брата в Монкфорде. Он был в то время необыкновенно приятным молодым человеком, очень образованным, живым и ярким, а Энн – очень симпатичной девушкой, отличавшейся мягким нравом, скромностью, вкусом и тонким восприятием жизни. И половины бы привлекательности с обеих сторон могло оказаться достаточным, поскольку у него не было особых дел, а у нее едва ли было кого полюбить, но такое обильное стечение положительных обстоятельств не могло ничем не кончиться. Постепенно они познакомились ближе, а когда познакомились, скоро и глубоко полюбили друг друга. Было бы трудно определить, кто из них видел в другом воплощение высокого совершенства или кто из них был счастливее: она, выслушивая его признание и предложение, или он, когда их благосклонно приняли.

Затем наступил короткий период совершеннейшего счастья, но слишком короткий. Беда не заставила себя ждать. Сэр Уолтер, когда к нему обратились, по-настоящему не отказал в своем согласии и не произнес слов «этого не будет никогда», не скрыв, впрочем, своего огромного удивления, и продемонстрировал высшую степень холодного презрения и неприязни, равнодушия и открытой решимости ничего не предпринимать ради дочери. Он счел этот союз до крайности унижительным; а леди Рассел, хотя и более сдержанно и с извинительной гордостью, отнеслась к нему как к весьма неудачному варианту.

Энн Эллиот, со всеми ее притязаниями, обусловленными рождением, красотой и умом, готова была обречь себя уже в девятнадцать лет на помолвку; обручиться в девятнадцать лет, и с кем?! С молодым человеком, который не мог предложить взамен ничего, кроме себя самого, без всяких надежд на жизнь в богатстве, но с вероятностью всех роковых случайностей, связанных с крайне опасной профессией, и без всяких связей, гарантирующих хотя бы отдаленное возвышение в этой профессии. О, это действительно означает «обречь себя», одна мысль об этом уже глубоко печаливала леди Рассел! Чтобы Энн Эллиот, столь юную, о которой мало кто еще успел узнать, похитил бы незнакомец без связей и состояния! Или чтобы она увязла в помолвке, слишком изнурительной уже своей неопределенностью, тревожной и беспокойной, убивающей молодость!

Этого не должно случиться, пусть и прямым вмешательством дружбы, любыми протестами той, кто испытывала почти материнскую любовь и обладала почти материнскими правами, но эта помолвка будет предотвращена.

Капитан Вентворт не имел никакого состояния. Он был удачлив в своей профессии, но легко тратил все, что легко ему доставалось, ничего не откладывал. Но он был уверен, что непременно скоро разбогатеет: полный жизненных сил и юношеской страсти, он знал, что должен скоро получить корабль под свое командование и занять положение, которое приведет его ко всему, чего он хотел. Он всегда был удачлив; он знал, что удача от него не отвернется. Такой уверенности в себе, убедительной уже по своей горячности и околдовывающей той остроумной обоснованностью, с которой он часто выражал ее, могло быть достаточно для Энн; но леди Рассел видела все совсем в ином свете. Его жизнерадостный, полный оптимизма характер и бесстрашие оказывали на нее совершенно другое впечатление. Она видела в этом еще худшее зло. Это только добавляло опасности. Он был честолюбив, и он был упорен. Леди Рассел не слишком нравилось остроумие, а все близкое к неблагоразумию внушало ей ужас. Она резко выступила против этого союза.

Сопротивляться такому противодействию своим чувствам Энн не сумела. Пусть и юная, мягкая и слабая, она в тот момент еще могла бы, возможно, противостоять недоброжелательности своего отца, пусть и усиленной отсутствием поддержки (ни добрым словом, ни ласковым взглядом) сестры, но леди Рассел, которую она всегда любила и которой всегда доверяла, не могла, то твердостью, то лаской, не добиться желаемого ей результата.

Энн убедили, что помолвка неправильна, неосмотрительна, опрометчива, неуместна, едва ли приведет к успешному завершению и не подходит ей. Но отказалась она не просто под влиянием эгоистичной предосторожности. Если бы она не вообразила себе, не убедила себя, что этот шаг будет лучше для него даже больше, чем для нее, она едва ли смогла бы прервать их отношения. Вера в то, что поступает благоразумно и отказывается себе в счастье преимущественно ради его пользы, служила ей главным утешением в горечи расставания, окончательного разрыва; а утешение ей требовалось, и немалое, поскольку ей предстояло дополнительно столкнуться с другой болью, которую он причинил ей, – совершенно не поддавшись убеждениям и непреклонный в своей уверенности, что его оскорбили в лучших чувствах, он резко оборвал их знакомство. Вскоре он покинул их графство.

Несколько месяцев наблюдали начало и конец их знакомства; но страдания, выпавшие на долю Энн в связи с их разрывом, не ограничивались несколькими месяцами. Та юношеская привязанность и печаль о ней в течение долгого времени затуманивали все удовольствия юности и впоследствии сказались на том, что она рано потеряла свой девичий румянец и сникла душой.

Более семи лет прошло с момента разрыва, когда эта краткая печальная история взаимного влечения сердец пришла к своему завершению; время многое смягчило, возможно, даже почти все, но она в этом зависела только от одного лишь времени; не помогала ни перемена места (она всего лишь раз посетила Бат вскоре после разрыва), ни новое лицо или расширение круга общения. Никто больше не появлялся в кругу обитателей поместья Келлинч, кто мог бы выдержать сравнение с Фредериком Вентвортом, каковым он оставался в ее памяти. Никакая вторая влюбленность, единственное по-настоящему естественное, счастливое и достаточное лечение в ее возрасте, не оказалась возможной в рамках их небольшого общества, никто не подходил ей по уровню развития и не отвечал ее утонченному вкусу. Ее упрасивал, когда ей исполнилось двадцать два, поменять имя молодой человек, который вскоре после этого нашел более охотный прием у ее младшей сестры: и леди Рассел сокрушалась ее отказом, поскольку Чарльз Масгроув был старшим сыном человека, чьи землевладения и общая значимость уступали в окрестностях только сэру Уолтеру, да и обладал хорошим характером и приятной внешностью, и, хотя леди Рассел могла бы желать все же чего-то относительно большего, когда Энн только исполнилось девятнадцать, она тем не менее обрадовалась увидеть ее в двадцать два так достойно избегнувшей необъективных придирок и несправедливости в дома отца и поселившейся своей семьей подле нее.

Но на сей раз Энн оставалась безучастна к советам; и, хотя леди Рассел, как всегда уверенная в своем благоразумии и рассудительности, никогда не жалела о прошлом, она начала теперь испытывать беспокойство, которое граничило с безнадежностью, что так и не появится в жизни Энн некий мужчина, наделенный талантами и обладающий независимостью, способный привлечь ее внимание и дать ей то положение, которому она, по мнению ее крестной, очень соответствовала благодаря своему умению хранить сердечную привязанность и своим домашним привычкам.

Они не знали мнения друг друга, осталось ли оно прежним или изменилось, поскольку никогда не касались этой темы; но Энн, в свои двадцать семь, рассуждала уже совсем по-другому, чем в девятнадцать. Она не обвиняла леди Рассел, она не обвиняла и себя в том, что поддалась на ее уговоры; но она чувствовала, что если бы кто-то в подобных обстоятельствах обратился к ней за советом, то никогда не получил бы в ответ предрекания таких картин ужас-

ных несчастий, такого категоричного сомнения в благополучном будущем. Энн была убеждена, что, как бы ни осуждали ее домашние, как бы ни мучительны оказались все тревоги и опасения, связанные с его профессией, все эти вероятные страхи, отсрочки и разочарования, она могла бы быть все же более счастлива, если бы сохранила помолвку, а не пожертвовала их отношениями; пускай бы на ее долю выпало даже больше обычных забот и сроки наступления их счастья отодвигались. А ведь судьба могла, как это порой случается, подарить ему богатство раньше, чем разумно было бы рассчитывать на него.

Все его жизнерадостные ожидания, вся его уверенность в себе были оправданны. Его одаренность и пыл, казалось, предопределяли и руководили его движением по пути успеха. Он получил вскоре после разрыва их помолвки назначение, и все, обещанное им за этим, последовало. Он отличился и рано получил следующее повышение в чине и, скорее всего после удачных экспедиций, имел сейчас значительное состояние. В ее распоряжении были только Морские регистры и газеты, но она не могла сомневаться в его удаче; а сомнений в пользу его непостоянства у нее не оказывалось, потому что он так и не женился.

Как красноречива была бы Энн Эллиот! С каким жаром, по крайней мере, желала бы она отстаивать юную горячую привязанность и их право на уверенность в светлой будущности, против того встревоженного предостережения, которое одно, кажется, оскорбляет проявление силы воли и не доверяет Провидению! В юности ее вынудили проявить благоразумие и рассудительность, она узнала, что значит любить, став старше: естественное продолжение неестественного начала.

При всех этих обстоятельствах, со своими воспоминаниями и ожившими чувствами, она не могла без прилива прежней боли пропустить мимо ушей известие о предполагаемом поселении сестры капитана Вентворта в Келлинче; и долгая прогулка и многочисленные вздохи потребовались, чтобы рассеять волнение, вызванное этой новостью. Ей пришлось не один раз уверять себя в своем неблагоприятии, прежде чем она смогла укрепить нервы настолько, чтобы не испытывать боль при непрерывном обсуждении Крофтов и всего, связанного с ними. Ей помогло, однако, совершенное безразличие и очевидная забывчивость троих из ее близких, единственных, кто знал о случившемся, и это, похоже, почти отрицало любое воспоминание о прошлом. Она могла в этом отдать должное превосходству мотивов леди Рассел над таковыми ее отца и Элизабет; она тем лучше могла сохранять свое спокойствие; но общий дух забвения приобретал важность, независимо от причины своего возникновения; и в случае, если адмирал Крофт действительно займет Келлинч-холл, она снова радовалась мысли, которая всегда была самой отрадней для нее, что о прошлом знали только трое из всего ее окружения, которые не проронят ни единого звука, и она верила, что среди его окружения только брат, с которым он жил, знал немного об их недолгом обручении. Тот брат давно переехал отсюда, и будучи человеком рассудительным, а кроме того, тогда еще неженатым, вряд ли он кому-то проговорился об этой истории. Поэтому она оптимистично надеялась, что ни одно живое существо не прознало ни о чем от него.

Когда все это происходило, его сестра, миссис Крофт, находилась за пределами Англии вместе с мужем на морской базе, где-то за границей, а ее собственная сестра, Мэри, училась еще в школе; а впоследствии ей не рассказывали даже самой малости, одни из-за гордыни, другие из деликатности.

С такой поддержкой она надеялась, что знакомство между ней и Крофтами, которого, так как леди Рассел все еще оставалась в Келлинче, а Мэри проживала всего в трех милях от родного дома, следовало непременно ожидать, не предполагало для нее никакой неловкости.

Глава 5

Утром дня, назначенного для осмотра Келлинч-холла адмиралом и миссис Крофт, Энн нашла самым естественным предпринять свою почти ежедневную прогулку к леди Рассел и держалась подальше от дома до тех пор, пока осмотр не завершился; и тогда она посчитала еще более естественным выказать сожаление, что она пропустила возможность взглянуть на гостей.

Эта встреча сторон оказалась крайне удовлетворительной и сразу же решила все дело. Обе дамы были уже заранее предрасположены к согласию и поэтому не видели друг в друге ничего, кроме хороших манер; что до мужчин, то сердечная доброжелательность и юмор, открытая, доверительная широта взглядов со стороны адмирала не могли не повлиять на сэра Уолтера, кто, кроме того, был поощрен на самую лучшую и изысканнейшую манеру поведения заверениями мистера Шеферда, будто бы до адмирала дошли слухи о хозяине поместья как об образце безупречного воспитания.

Дом, и уголья, и обстановка в доме были одобрены, и Крофты были одобрены, условия, сроки, каждая деталь, каждая мелочь – все всех устраивало; и клерков мистера Шеферда усадили за работу, причем им не пришлось вносить ни единого изменения в предварительный контракт.

Сэр Уолтер без колебания назвал адмирала самым красивым моряком из тех, с кем ему когда-либо доводилось встречаться, и даже удостоил его определенной чести, заметив, что, если бы его собственный камердинер уложил адмиралу волосы, он не постыдился бы появиться с ним вместе в обществе; а адмирал добродушно заметил жене, когда они ехали назад через парк: «Я подумал, мы сможем скоро уладить это дело, моя дорогая, несмотря на все разговоры по этому поводу там, в Тонтоне. Баронет, разумеется, звезд с неба не хватает, но и вреда от него мало»: так они заочно одарили друг друга комплиментами, которые каждый воспринял бы примерно одинаково.

Крофты собирались обосноваться на месте к Михайлову дню; а поскольку сэр Уолтер предполагал перебраться в Бат уже в предшествующем празднику месяце, времени на улаживание всех сопутствующих дел практически не оставалось.

Леди Рассел, убежденная, что Энн не позволят быть полезной при выборе дома для проживания и не станут хотя бы прислушаться к ее мнению, очень не хотела допустить и ее столь же поспешного отъезда и желала сделать все возможное, чтобы та осталась до тех пор, пока она сама не отвезла бы свою крестницу в Бат где-то после Рождества.

Но поскольку собственные дела заставляли ее покинуть Келлинч на несколько недель, ей не представлялось возможным пригласить Энн на все время, как она того желала, и Энн, хотя и опасаясь вероятной сентябрьской жары в ослепительном блеске Бата и огорчаясь от необходимости покинуть всю трогательную нежность и грусть тихих осенних месяцев в поместье, не думала, учитывая все факторы, оставаться. Самым правильным, самым мудрым решением, и потому повлекшим меньше страданий, было бы уехать вместе с остальными.

Но произошло нечто, что придало ей новые обязанности. Мэри, частенько чувствующая себя немного нездоровой, всегда слишком много размышлявшая над своими недугами и привыкшая всегда претендовать на внимание Энн, когда для этого возникал хоть малейший повод, плохо себя почувствовала; и, предвидя, что недомогание не оставит ее ни на один осенний день, упрашивала Энн, или, скорее, требовала, поскольку вряд ли ее обращение попадало в разряд просьб, вместо поездки в Бат приехать к ней в Апперкросс-коттедж и составить ей компанию до тех пор, пока не перестанет в ней нуждаться.

«Я совсем не смогу обойтись без Энн», – приводила веский довод Мэри; а ответ Элизабет был: «В таком случае я уверена, Энн лучше остаться, поскольку в Бате она никому не потребуется».

Требоваться кому-то, пусть и не самым подобающим образом, все-таки немного лучше, чем когда тебя совсем отвергают; и Энн была рада, что может оказаться кому-то полезна, довольна была получить хоть какие-то обязанности, и, разумеется, совсем не жалела, что в ней нуждаются именно в ее родных местах, где все ей дорого и мило. Поэтому она с готовностью согласилась остаться.

Это приглашение Мэри избавило леди Рассел от проблем, и в результате вскоре было условлено, что Энн не следует ехать в Бат, пока леди Рассел не возьмет ее с собой, а до этого ее время следует разделить между Апперкросс-коттеджем и Келлинч-лодж.

Пока все складывалось прекрасно; но леди Рассел поразила, если не ужаснула, несправедливость одной из частей плана, разработанного в Келлинч-холле, когда ей неожиданно стало известно о приглашении, полученном миссис Клэй. Эта особа ехала в Бат вместе с сэром Уолтером и Элизабет, в качестве главной и весьма ценной помощницы им во всех предстоящих делах. Леди Рассел чрезвычайно огорчил сам факт подобного приглашения, она недоумевала, огорчалась и страшилась этого; но брошенное Энн оскорбление, заключавшееся в признании необыкновенной полезности миссис Клэй, в то время как никто совсем не усматривал необходимости в Энн, еще больше усугубило ее мучительные переживания.

Сама Энн уже стала бесчувственной к подобным оскорблениям, но она ощущала опрометчивость подобных планов так же остро, как и леди Рассел. Имея возможность молча наблюдать за характером своего отца и зная о нем много такого, чего часто желала бы знать меньше, она сознавала, к каким очень серьезным последствиям для всей семьи более чем вероятно приведет подобная близость. Она не воображала, будто отец в настоящее время уже вынашивал подобную идею. У миссис Клэй были широкие запястья, лицо с веснушками, выступающий вперед зуб, и по поводу этих ее недостатков он постоянно резко высказывался в ее отсутствие; но она была молода и, несомненно, в целом недурна собой и таила в себе, обладая цепким умом и неутомимо услужливыми манерами, бесконечно больше опасных соблазнов, нежели любая другая персона. Энн находилась настолько под впечатлением грозящей им опасности, что не смогла удержаться от попытки заставить сестру обратить на это внимание. Она не слишком надеялась на успех, но Элизабет, которую в случае такой перемены придется жалеть много больше, чем саму Энн, никогда не сможет иметь причину упрекнуть ее за то, что она никак не предупредила сестру.

Она заговорила, и, похоже, только оскорбила Элизабет в лучших чувствах. Элизабет отказывалась понять, как такое абсурдное подозрение могло прийти к ней, и с негодованием поручилась за безукоризненность поведения каждой из сторон, твердо осознающих свое положение.

– Миссис Клэй, – горячо возразила Элизабет, – никогда не забывает, кто она; и, поскольку я несколько лучше ознакомлена с ее чувствами, нежели ты, я могу ручаться тебе, что на предмет брака они являются особенно деликатными и что она порицает в браке неравенство состояния и социального положения более настоятельно, чем большинство других людей. Что касается моего отца, мне, право, не следует думать, будто его, который столь долгое время оставался один ради нашей пользы, надо подозревать теперь. Если бы еще миссис Клэй была очень красивой женщиной, я допускаю, что неправильно было бы держать ее так много при себе; хотя и тогда ничто в мире, я уверена, не могло бы побудить моего отца унижить себя неравным браком, но он мог бы оказаться несчастным. Но бедняжка миссис Клэй, которая, при всех ее достоинствах, никогда не сможет считаться хотя бы сносно миловидной, бедняжка миссис Клэй может оставаться с нами в совершенной безопасности, и я ни на миг не сомневаюсь в этом. Можно подумать, ты никогда не слышала, как мой отец говорил о ее злополучной внешности, хотя я прекрасно знаю, ты должна была слышать это раз пятьдесят. Тот же ее зуб и те же веснушки. Веснушки не настолько противны мне, как они внушают отвращение ему. Я пришла к выводу,

что лицо не слишком существенно обезображивается некоторым их количеством, но он питает к ним отвращение. Ты должна была слышать, как он упоминал ее веснушки.

– Едва ли не любой дефект внешности, – возразила Энн, – может постепенно свести на нет услужливость и приятные манеры.

– Я думаю совсем иначе, – резко возразила ей Элизабет, – приятные манеры могут выгодно подчеркнуть красивые черты, но никогда не сумеют исправить некрасивые и неприятные. Однако, во всяком случае, поскольку мне это грозит намного более серьезными последствиями, чем кому-либо еще, я полагаю, тебе вовсе не обязательно давать мне советы в этом вопросе.

Энн сделала все, что могла, и была рада, что разговор завершился, причем не абсолютно безнадежно. Элизабет, хотя и возмущалась подобными подозрениями, все же могла стать более внимательной после предупреждения сестры.

Четверке лошадей, запряженных в карету, предстояло в последний раз довести сэра Уолтера, мисс Эллиот и миссис Клэй в Бат. Компания отъезжала в очень хорошем настроении; сэр Уолтер подготовился снисходительными и покровительственными поклонами отвечать всем опечаленным арендаторам и жителям сельских коттеджей, которым могло прийти в голову выйти из своих домов, а Энн в то время одиноко и тихо брела в Келлинч-лодж, где ей предстояло провести первую неделю.

Ее подруга пребывала не в лучшем расположении духа, чем она. Леди Рассел очень переживала этот развал семьи. Их респектабельность была столь же дорога ей, как и собственная, а ежедневное общение превратилось в неотъемлемую привычку. Было больно смотреть на опустевшие, покинутые семьей парки и сады, и еще хуже ожидать новые руки, в которые все это переходило; и, чтобы избежать одиночества и меланхолии в столь переменившейся деревне и дабы не пересечься с адмиралом и миссис Крофт в момент их приезда, она решила покинуть свой дом тогда же, когда ей придется попрощаться с Энн. Соответственно день их отъезда совпал, и Энн отправилась в Апперкросс-коттедж тогда же, когда и леди Рассел в свою поездку.

Апперкросс был скромных размеров селением, еще несколько лет назад полностью выдержанным в староанглийском стиле, где только два здания выделялись на общем фоне рядом с домами йоменов и работников; особняк помещика, с его высокими стенами, огромными воротами и старыми деревьями, крепкий и значительный, без всяких модернизаций, и небольшой аккуратный пасторат, окруженный собственным опрятным садом, с ползущей по стене виноградной лозой и подступающим к самым окнам грушевым деревьям, но после свадьбы молодого помещика появился еще и коттедж, улучшенный и облагороженный сельский дом, предназначенный для его семьи, и Апперкросс-коттедж, с его верандой, французскими окнами и другими украшениями, мог теперь так же легко ловить взгляд путешественника, как и более солидный, значительный и монументальный облик Большого дома со всеми прилегающими к нему постройками и участком, растянувшимся примерно на целую милю.

Здесь Энн часто гостила. Она знала об обитателях Апперкросса столько же, сколько о Келлинче. Эти две семьи встречались буквально ежеминутно, и у них вошло в привычку бегать из дома в дом в любое время, и для Энн было довольно неожиданным обнаружить Мэри одну; но, когда та пребывала в одиночестве, ее нездоровье и плохое настроение являлось делом само собой разумеющимся. Хотя и более разумная, нежели самая старшая сестра, Мэри не отличалась ни чуткостью, ни нравом Энн. Когда все складывалось хорошо и счастливо и ей должным образом уделялось внимание, она отличалась добродушием и превосходным настроением; но все иное выбивало ее из колеи полностью. Она не могла существовать в одиночестве и, унаследовав значительную долю самомнения Эллиотов, проявляла большую склонность при каждом очередном недомогании усугублять его воображаемым пренебрежением и плохим обращением окружающих. Внешне она была хуже обеих сестер и даже в самом расцвете приблизилась лишь к разряду «милая девочка». Теперь она возлежала на раскладной софе в милой неболь-

шой гостиной, когда-то изящная обстановка которой постепенно поистрепалась по прошествии четырех лет и действий двоих ребятешек; и, при появлении Энн, приветствовала ее словами:

– Так ты наконец-то прибыла! Я начала думать, что мне уже никогда не придется тебя увидеть. Я настолько больна, я едва могу говорить. Я не видела ни единого живого существа целое утро!

– Мне жаль видеть тебя нездоровой, – ответила Энн. – Все ведь было так хорошо, когда ты писала мне о себе в четверг.

– Да, я старалась изо всех сил, я всегда так делаю: но я была уже далеко не так здорова в то время; и я не думаю, что мне еще когда-нибудь в жизни было так плохо, как этим утром: и меня совершенно некстати оставили одну, я уверена. Предположим, со мной внезапно случится нечто крайне ужасное, и я не смогу позвонить в звонок! Значит, леди Рассел не выезжает. Боюсь, она и трех раз не навестила нас в этом доме за все это лето.

Энн ответила надлежащим образом и поинтересовалась о ее муже.

– О! Чарльз ушел на охоту. Я не видела его начиная с семи часов. Он ушел, хотя я и сказала ему, как я больна. Он сказал, что уходит не надолго; но он так и не возвращался, а теперь уже почти час дня. Я ручаюсь тебе, я не видела ни души все это длинное утро.

– А твои малыши, они были с тобой?

– Да, пока я могла переносить их шум; но они настолько неуправляемы, что приносят мне больше вреда, чем пользы. Маленький Чарльз не слушает ни единого моего слова, а Уолтер растет совсем несносным.

– Ладно, теперь тебе скоро станет лучше, – подбодрила ее Энн. – Ты же знаешь, я всегда забочусь о тебе, когда приезжаю. Как ваши соседи в Большом доме?

– Я ничего не могу сказать тебе о них. Я никого из них не видела сегодня, кроме мистера Масгроува, который только остановился и поговорил со мной через окно, но не слезая с лошади; и, хотя я сказала ему, насколько я больна, ни один из них не пришел посидеть со мной. Это не устраивало обеих мисс Масгроув, я полагаю, они никогда не изменяют свои планы.

– Ты еще увидишь их, возможно до обеда. Еще рано.

– Мне они и не нужны, уверяю тебя. По мне, они слишком много говорят и смеются много. О! Энн, мне так нездоровится! Как нехорошо с твоей стороны было не приехать в четверг.

– Моя дорогая Мэри, вспомни, ты ничего не написала о своем недомогании в письме! Ты писала в самых радостных тонах, что у тебя все отлично, что мне вовсе не надо спешить; и, поскольку дела обстояли именно так, ты же должна понимать, что мне хотелось побыть с леди Рассел до последнего: и кроме моих чувств к ней, я действительно была занята до предела, мне столько всего предстояло сделать, что мне было крайне неудобно уехать из Келлинча раньше.

– Вот это да! Что же ты могла там делать?

– Очень многое, уверяю тебя. Больше, чем я могу вот так сразу вспомнить; но могу перечислить тебе лишь малое из того, чем я занималась. Я делала дубликат каталога отцовских книг и картин. Я несколько раз отправлялась в сад с Маккензи, пытаюсь разобраться сама и заставить его понять, какие из растений Элизабет предназначены для отправки леди Рассел. У меня были и свои собственные небольшие дела, которые следовало уладить, распределить книги и ноты и заново упаковать все мои дорожные сундуки, поскольку слуги не сразу поняли, какие из них предназначены для отправки на повозках, и мне пришлось заняться еще одним очень мучительным делом, Мэри: обойти почти каждый дом в округе, как своего рода прощание. Мне сказали, что им это было бы приятно; но все это заняло очень много времени.

– Ну ладно! – И после минутной паузы: – Но ты так и не поинтересовалась у меня ни единым словом о том, как прошел обед у Пулов вчера.

– Так ты там была? Я не задавала вопросов, поскольку решила, что тебе, видимо, пришлось отказаться от вечеринки.

– О да! Я была там. Я очень хорошо себя чувствовала вчера; со мной вообще не было ничего плохого до сегодняшнего утра. Было бы странно, если бы я не поехала туда.

– Я очень довольна, что ты себя хорошо чувствовала, и надеюсь, ты хорошо провела время.

– Ничего особенного. Все всегда знают заранее, что подадут на обед и кто там будет; и это так ужасно неудобно не иметь собственного экипажа. Мистер и миссис Масгроув взяли меня с собой, и в карете было так тесно! Они ведь оба такие крупные, и вдвоем занимают столько места; и мистер Масгроув всегда садится вперед. Вот мне и пришлось втиснуться назад вместе с Генриеттой и Луизой; и я думаю, вполне вероятно, что мое сегодняшнее недомогание может быть вызвано этим.

* * *

Еще чуть-чуть все того же спокойного терпения и принудительной веселости со стороны Энн послужило почти чудодейственным средством для Мэри. Скоро она уже сидела, выпрямившись на диване, и начала надеяться, что сумеет подняться к обеденному времени. Затем, забыв и думать об этом, она оказалась в другом конце комнаты, принялась составлять букетик из цветов; потом съела холодное мясо и вскоре почувствовала себя настолько хорошо, чтобы предложить совершить небольшую прогулку.

– Куда мы с тобой пойдем? – спросила она, когда они были уже готовы. – Я полагаю, тебе не захочется заходить в Большой дом прежде, чем они придут повидать тебя.

– Я не имею ни малейшего возражения на этот счет, – ответила Энн. – Мне в голову никогда не придет настаивать на соблюдении подобной церемонии с людьми, которых я знаю так хорошо, как миссис и мисс Масгроув.

– О! Но им следует нанести тебе визит как можно скорее. Они обязаны понимать, как им следует вести себя с тобой, как с *моей* сестрой. Однако мы вполне можем зайти и посидеть с ними немного, а когда разделаемся с этим, насладиться нашей прогулкой.

Энн всегда считала такой стиль общения крайне неразумным; но она прекратила прилагать усилия препятствовать этому, полагая, что, хотя с каждой стороны непрерывно возникали всяческие поводы для обид, ни та ни другая семья уже не могли жить без этого общения. Соответственно они направились к Большому дому, где просидели целых полчаса в старомодно обставленной квадратной комнате, с небольшим ковром на натертом до блеска полу, в обстановку которой дочери постепенно вносили соответствующий дух беспорядка, с помощью огромного пианино и арфы, подставок для цветов и маленьких столиков, поставленных на все свободные места. О! Если бы оригиналы, с которых писались портреты, развешанные на деревянных стеновых панелях, если бы все эти господа в коричневом бархате и дамы в синем атласе увидели все происходящее, они бы ощутили такое ниспровержение порядка и аккуратности! Да и сами портреты, казалось, с удивлением взирали на все это.

Масгроувы, подобно их жилищам, находились в состоянии изменения, возможно усовершенствования. Отец и мать придерживались стиля старой Англии, а молодые стремились к новому. Мистер и миссис Масгроув были очень хорошими людьми; дружелюбными и гостеприимными, не слишком образованными и совсем далекими от утонченности. Их дети отличались уже современным складом ума и манерами. Семейство было многочисленным; но, помимо Чарльза, взрослыми детьми были только Генриетта и Луиза, молодые девушки девятнадцати и двадцати лет, принесшие из школы в Эксетере весь обычный набор образованности и лоска, и теперь, подобно тысячам других юных дам, придерживаясь определенного стиля, жили счастливо и весело.

Их платья всеми способами подчеркивали их достоинства, их лица были довольно симпатичны, их настроение чрезвычайно хорошим, их манеры непринужденными и приятными;

они пользовались влиянием дома, и их баловали повсюду. Энн всегда рассматривала их как самых счастливых созданий среди своих знакомых: но тем не менее спасалась, как все мы делаем в подобных случаях, некоторым удобным чувством превосходства и не поменяла бы свой более утонченный и развитой ум на все их удовольствия и завидовала им только в том, что они явно отличались совершенным пониманием друг друга и полным согласием между собой, той жизнерадостной и добродушной взаимной привязанностью, которой она знала так немного в отношениях с любой из своих сестер.

Их встретили с превеликой сердечностью. Все было кстати со стороны обитателей Большого дома, которых вообще, насколько Энн прекрасно понимала, винить было не в чем. Полчаса пролетели незаметно в довольно приятной беседе; и она несколько не удивилась, когда к ним в их прогулке присоединились обе барышни Масгроув, в ответ на особое приглашение Мэри.

Глава 6

Энн не требовалось совершать эту поездку в Апперкросс, чтобы узнать, как часто переезд от одной группы людей к другой, даже обитающих на расстоянии всего трех миль, может легко привести к полной смене окружающих мнений, тем для разговоров и даже мыслей. И раньше, когда ей случалось гостить в Апперкроссе, ей ни разу не удавалось не поразиться этому явлению или не пожелать, чтобы остальные Эллиоты могли воспользоваться этим ее преимуществом и понаблюдать, как мало в других местах интересуются или как мало везде, кроме Келлинч-холла, уделяют внимания многому из того, в чем ее домочадцы видели столько смысла, выставляли на всеобщее обсуждение, сопровождали всеобщим интересом. Но все же, со всем этим опытом, ей пришлось теперь освоить еще один урок, состоявший в постижении нашей собственной несущественности за пределами нашего собственного круга; так как, прибыв на новое место с душой, полной переживаний по поводу решения проблемы, всецело и на многие недели захватившей обитателей обоих домов в Келлинче, она, естественно, ожидала несколько большего любопытства и сочувствия, чем она нашла в очень схожих репликах мистера и миссис Масгроув, произнесенных каждым из них по отдельности, но лишь с небольшими вариациями: «Выходит, мисс Энн, сэр Уолтер и ваша сестра уехали. И в какой же части Бата, вы полагаете, они поселятся?» – причем без всякого особого интереса к продолжению темы; или в замечаниях со стороны юных дам: «Надеюсь, *и мы* отправимся в Бат зимой; но помните, папа, если мы поедem, мы должны выбрать удачное место, больше никаких ваших Квин-сквер»; или в беспокойстве Мэри: «Честное слово, мне будет изрядно не по себе, когда вы все уедете туда, в Бат, поселиться и радоваться жизни!»

Она могла только решить избегать подобного самообольщения в будущем и думать с преувеличенной благодарностью об удивительной и благословенной дружбе с такой по-настоящему сердечной и участливой своей наставницей, как леди Рассел.

У мужчин Масгроувов имелись охотничьи угодья и дичь, которую следовало то охранять, то отстреливать, лошади, собаки и газеты занимали все остальное их время, женщины же были поглощены всеми другими обычными предметами домашнего хозяйства, соседями, платьями, танцами и музыкой. Она признавала, что так оно и должно было быть и каждое небольшое социальное сообщество должно диктовать свои собственные темы для обсуждения, и надеялась вскоре превратиться в совсем не недостойного внимания участника того сообщества, куда оказалась теперь пересажена. Так как ей предстояло провести самое малое два месяца в Апперкроссе, на ней лежала высокая обязанность насколько возможно больше посвятить свое воображение, свою память и все свои мысли заботам Апперкросса.

Она вовсе не страшилась этих двух месяцев. Мэри никогда не отвергала ее, как это делала Элизабет, и проявляла к ней больше сестринских чувств. К тому же младшая сестра хоть немного, но поддавалась ее влиянию. Среди других обитателей коттеджа и вовсе даже намек на проявление недружелюбия не сквозило. Она всегда поддерживала дружбу со своим зятем, а в детях, которые любили ее не меньше матери, а уважали, пожалуй, и намного больше, она имела объект интереса, развлечения и благотворного влияния.

Чарльз Масгроув был человек обходительный и милый; здравым смыслом и нравом он, несомненно, превосходил свою жену, но ни талантами, ни умением поддержать беседу, ни особым тактом не отличался настолько, чтобы жизнь с ним под одной крышей могла подтолкнуть Энн к опасным размышлениям и сожалениям о прошлом; хотя все же Энн могла согласиться с леди Рассел и поверить ее словам, что более подходящий союз мог бы положительно повлиять на него, а женщина чуткая и разумная сумела бы придать больше значительности его характеру и привнести больше полезности, рациональности и элегантности в его привычки, равно как и в его повседневные занятия и стремления. Сейчас же он ни к чему не проявлял особого рвения,

разве только к охоте и прочим развлечениям, и понапрасну растрачивал время, не извлекая пользы ни из чтения книг, ни из других занятий. Его крайне здоровое жизнелюбие никогда, похоже, не поддавалось влиянию периодически нападавшей на жену хандры, и он мирился с ее непоследовательностью и неблагоприятием, порой к истинному восхищению Энн, и в целом, несмотря на частенько случавшиеся между ними мелкие стычки (в которых иногда ее собственная роль помимо ее воли возрастала, так как обе стороны апеллировали к ней), супруги были вполне счастливой супружеской парой.

Они всегда прекрасно дополняли друг друга, когда речь шла о недостатке в деньгах, оба крайне не прочь были получать щедрые подарки от его отца; но и здесь, как и в большинстве случаев, Чарльз выказывал душевное превосходство, поскольку, если Мэри сильно досадовала и негодовала на старшего Масгроува, случись тому не оправдать их ожиданий, он всегда заявлял, что его отец вправе тратить деньги по своему усмотрению.

Что касается умения обращаться с детьми, то в теории он намного превосходил жену, да и на практике все складывалось отнюдь не так уж плохо.

«Я мог бы справляться с ними значительно лучше, если бы Мэри не вмешивалась», – не раз слышала от него Энн, и ей немало в это верилось; но, выслушивая, в свою очередь, упреки Мэри в его адрес: «Из-за Чарльза я не в силах вообще заставить их слушаться, он их просто портит», – она никогда не испытывала ни малейшего искушения произнести: «Как ты права!»

Самое неприятное обстоятельство на протяжении всего ее пребывания у них в гостях заключалось в слишком большом доверии, которое оказывали ей все стороны любых конфликтов, без исключения посвящавшие ее во все тайные обиды каждого дома. Зная о некотором ее влиянии на сестру, у нее постоянно просили, даже если и не всегда в открытую, а только намеком, постараться добиться совершенно нереального.

«Если бы ты могла уговорить Мэри поменьше воображать себя больной», – так формулировал просьбу Чарльз, а горемыка Мэри уныло сетовала: «Не сомневаюсь, если бы Чарльз даже смотрел, как я умираю, он и тогда не задумался бы, каково мне. Я уверена, Энн, если ты постараться, ты сумеешь убедить его, что я и вправду очень больна – мне намного хуже, чем я стараюсь показывать».

Могла Мэри и объявить вдруг: «Хоть их бабушка и вечно в них нуждается, я терпеть не могу посылать детей в Большой дом. Бабушка потекает и потворствует им ужасно и дает им столько всякого вздора и сладостей, что они обязательно возвращаются больными и ведут себя несносно всю остальную часть дня». Миссис же Масгроув, при первой же возможности, оставшись наедине с Энн, жаловалась: «Ох, мисс Энн, как бы мне хотелось, чтобы миссис Чарльз хоть отчасти переняла ваше умение обращаться с этими детьми. С вами они совершенно иные создания! Вообще-то они, как ни посмотри, избалованы ужасно! Как было бы хорошо, если бы вы направляли вашу сестру в вопросах воспитания детей. Таких прекрасных и здоровых детей свет еще не видывал, бедные дорогие мои малютки! И это я говорю без всякого пристрастия! Но миссис Чарльз совершенно ничего не смыслит в воспитании! Боже правый! Какими невыносимыми они иногда бывают. Ручаюсь вам, мисс Энн, только это мешает мне желать видеть их в нашем доме так часто, как мне того хотелось бы. Кажется, миссис Чарльз не совсем довольна тем, что я не приглашаю их чаще; но поверьте, невозможно же постоянно одергивать детей: „Не делай этого“ и „Не делай того“ – или добиваться от них терпимого порядка, лишь позволив им больше пирожных, чем идет им на пользу».

Больше всего ей доставалось от Мэри. «Миссис Масгроув, безусловно, считает всех своих слуг надежными. Попробуй только поставить это под сомнение! Она сочтет это за государственную измену; но я уверена, без преувеличения, что ее доверенная горничная и прачка, вместо того чтобы заниматься делом, весь день напролет шатаются по деревне. Я встречаю их везде, куда бы ни пошла; и скажу тебе больше, как ни войду в нашу детскую, они уже и там. Если бы моя Джемайма не была испытанным и надежнейшим созданием, одного этого хватило

бы, чтобы испортить ее; ведь она рассказывает мне, как они всегда искушают ее прогулкой». А со стороны миссис Масгроув слышалось: «Я взяла себе за правило никогда не вмешиваться ни в какие дела своей невестки, так как не вижу в этом большого смысла; но вам, мисс Энн, я скажу, поскольку вы-то сумеете навести порядок, что я не слишком хорошего мнения о няне миссис Чарльз: я слышу странные истории о ней; где-то она всегда шляется; и, поверьте моему опыту, она так разодета, ну прямо барыня, ей ничего не стоит всех слуг испортить одним своим видом. Миссис Чарльз безгранично ей доверяет, я знаю; но вам я всего лишь советую быть начеку, поскольку, если вы заметите что-нибудь неладное, не задумываясь, сразу же скажите об этом».

И снова слышалась жалоба, но уже Мэри на миссис Масгроув, не желавшую оказывать ей должного почета во время званных обедов в Большом доме, где бывали и другие приглашенные. Сестра никак не видела причин для свойского обращения и не понимала, почему ее старшинство по родовитости следовало отбрасывать из-за ее нынешней родственной близости к ним. А однажды, когда Энн прогуливалась с барышнями Масгроув и разговор зашел о положении в обществе, об аристократии и том, как ревностно те оберегают свое высокое социальное положение, одна из девушек заметила: «Я без колебаний скажу тебе, насколько нелепы некоторые люди в вопросах первенства, ведь все вокруг знают, насколько мало тебя саму это волнует; вот если бы и Мэри кто-нибудь посоветовал, что лучше бы ей не проявлять столько упрямства в этом вопросе, и особенно если бы кто-нибудь убедил ее не выставлять себя вечно вперед и не стремиться занять мамино место. Никто и не сомневается в ее более высоком положении перед нашей мамой, но ей приличествовало бы все-таки не всегда настаивать на этом. Не то чтобы это хоть в малейшей степени беспокоило саму маму, но я знаю, что многие в округе обращают на это слишком много внимания».

И как Энн должна была утрясти все эти проблемы? Она вряд ли сумела бы многое изменить, и ей ничего не оставалось, как просто терпеливо выслушивать, смягчать обиды и оправдывать каждую сторону перед другой; давать всем им советы проявлять терпение и терпимость, столь необходимые между такими близкими соседями, и вносить больше ясности там, где это шло на пользу сестре.

Во всех других отношениях ее пребывание в Апперкроссе началось и проходило отлично. Удалившись от Келлинча на целых три мили, ей удалось и самой воспрянуть духом, благодаря перемене места и положения; болезни же Мэри отступили от присутствия постоянной спутницы, а их ежедневное общение с другой семьей, поскольку в коттедже для них не находилось ни превосходящих пристрастий, ни особых привязанностей или занятий, которыми приходилось бы жертвовать, этому только способствовало. Общение это непременно становилось теснее некуда, так как они встречались каждое утро и почти никогда не проводили вечер порознь; но она полагала, что вряд ли все складывалось бы столь удачно без представительных фигур мистера и миссис Масгроув на своих привычных местах или без щебетания, смеха или пения их дочерей.

Она играла намного лучше, чем любая из сестер Масгроув, но она не обладала голосом, не имела представления об игре на арфе. И любящие родители не сидели рядом и не мыслили себя переполненными восхищением. О ее мастерстве мало кто вообще вспоминал, разве только из любезности, или чтобы дать другим немного отдохнуть, или для разнообразия, и она прекрасно это понимала. Энн знала, что своей игрой доставляла удовольствие только самой себе; но и это чувство было ей совсем не внове. За исключением одного короткого периода ее жизни, никогда, уже с четырнадцати лет, никогда, с тех пор как потеряла свою дорогую матушку, не знала она счастья быть выслушанной или ободренной справедливой оценкой тонкого вкуса. В музыке она давно привыкла чувствовать себя одной-одинешенькой во всем мире; и любящее пристрастие мистера и миссис Масгроув к исполнительскому мастерству дочерей,

и полное безразличие их к любому другому отзывалось в ней скорее радостью за самих сестричек, чем горькой обидой за себя.

Общество в Большом доме иногда увеличивалось в размере. Соседей было не так много, но Масгроуов посещали все, и ни у одной семьи в округе не бывало так много званых обедов, и ни к кому так часто не ездили с визитами, ни у кого не собиралось столько случайных и приглашенных гостей. С ними буквально все знали.

Девушки были без ума от танцев; и время от времени вечера заканчивались небольшим импровизированным балом. На расстоянии пешей прогулки от Апперкросса жила семья небогатых родственников, которые зависели от Масгроуов во всех удовольствиях; они могли появиться в любое время и всегда рады оказывались принять участие в любой забаве или организовать танцы; Энн же, явно предпочитавшая роль аккомпаниатора более активному участию, часами напролет играла для них контрдансы; такую ее доброту не могли не оценить мистер и миссис Масгроув и всегда в пользу ее музыкальных способностей, посему тут уж она частенько заслуживала их одобрительных возгласов: «Отлично, мисс Энн! Вы здорово играли, правда! Бог мой! Как же ваши маленькие пальчики порхали по клавишам!»

Так прошли первые три недели. Наступил Михайлов день; и Энн, несомненно, душой возвращалась в Келлинч. Любимый дом обживали другие; другие же теперь могли наслаждаться ее любимыми комнатами и обстановкой, гулять в рощах и любоваться несравненными видами!

Мало что могло отвлечь ее от этих мыслей весь день 29 сентября; а вечером ей еще и посочувствовала Мэри, которая, по какому-то поводу записывая дату, воскликнула: «Вот это да, – не это ли день, когда Крофты предполагали въехать в Келлинч? Как хорошо, я не вспоминала об этом прежде. От этой мысли я впадаю в уныние и делаюсь больной!»

Крофты вступили во владение помещьем по-военному стремительно, и следовало им нанести визит. Мэри глубоко переживала эту неизбежность. Никто не догадывается о ее страданиях. Она постарается отложить посещение, насколько сможет; но ей не полегчало, пока (на это ушло всего несколько дней) она не сумела уговорить Чарльза отвезти ее в Келлинч и не вернулась оттуда оживленная и в приподнятом настроении под воздействием воображаемого волнения. Энн совершенно искренне обрадовалась, что остальным не на чем оказалось туда ехать.

Однако ей хотелось повидать Крофтов, и она была довольна, что оказалась дома, когда они нанесли ответный визит. Они прибыли: хозяин дома отсутствовал, но обе сестры их приняли; и как-то так получилось, что миссис Крофт досталось занимать Энн, пока адмирал, усевшись подле Мэри, ублажал ее своим добродушным вниманием к маленьким мальчикам. Энн вполне могла заняться поисками сходства с дорогими чертами и, не обнаружив, искала его в голосе, манере выражать чувства и в оборотах речи.

Миссис Крофт, хотя и не отличалась ростом и явно не была склонна к полноте, оказалась коренастой, энергичной и физически крепкой особой, держалась уверенно и прямо, и это придавало ей значительность. Живые темные глаза, хорошие зубы и в целом приятное лицо; хотя побуревшая и обветренная кожа, следствие ее постоянного пребывания в море вместе с мужем, заставляла ее выглядеть несколько старше, словно она прожила на свете значительно дольше, чем свои тридцать восемь лет. Держалась она открыто, непринужденно и свободно. Характер в ней проявлялся решительный, чувствовалось, что она вовсе не испытывала неуверенности в себе и не мучилась сомнениями, когда предстояло действовать; однако без каких-нибудь признаков вульгарности или грубости или недостатка жизнерадостности и добродушия. Удостоверившись, что миссис Крофт на самом деле уважительно и деликатно относится к ее чувствам, связанным с Келлинчем, Энн почувствовала к ней расположение, особенно же когда с первой минуты, с самого момента представления, она убедилась, что миссис Крофт ничего

не знает и ни о чем не подозревает и с ее стороны не сквозит ни малейшего намека на какое бы то ни было проявление предвзятости или предубеждения. На душе у Энн стало спокойно и легко, она расхрабрилась и воспрянула духом, но тут на какой-то момент опять пришла в волнение от неожиданного замечания миссис Крофт:

– Как я понимаю, это с вами, а не с вашей сестрой мой брат имел удовольствие поддерживать знакомство, когда жил в этих местах.

Энн надеялась, что вышла из возраста, когда краснеют по каждому поводу; но из возраста, когда переполняют эмоции, она уж точно выйти не успела.

– Возможно, вы не слышали, но он женился, – добавила миссис Крофт.

Она сумела отреагировать, как и следовало; и обрадовалась, когда следующие слова миссис Крофт пояснили, о каком именно из своих братьев та вела речь, что не сказала в ответ ничего, что не могло бы относиться сразу к любому из братьев, в том числе и к мистеру Вентворту. Энн сразу же оценила разумность своих высказываний, поскольку миссис Крофт думала и говорила в тот самый волнующий момент об Эдварде, а не о Фредерике; и, устыдившись своей забывчивости, проявила подобающий интерес к нынешним делам их прежнего соседа.

Дальше все складывалось на удивление спокойно; до тех пор, пока, когда гости уже собирались уходить, она не услышала, как адмирал объяснял Мэри:

– Мы ожидаем брата миссис Крофт к себе, и очень скоро; как я понимаю, вы о нем слышали?

Он не договорил, поскольку в этот момент его атаковали мальчишки. Они облепили его как старого доброго приятеля и требовали непременно остаться и не уезжать; и, слишком углубившись в обсуждение настоятельных просьб забрать их с собой в кармане его пальто, и прочее и прочее, не имел больше возможности окончить фразу или вспомнить, о чем он начал было говорить. И Энн оставалось только убеждать себя, по мере сил и возможностей, что обсуждался приезд того же самого брата, о котором шел разговор в гостиной.

Она не могла, однако, достичь такой степени уверенности, чтобы не сгорать от стремления узнать, не обсуждалась ли эта тема в другом доме, куда Крофты заходили еще раньше.

Обитателей Большого дома ждали вечером того дня в коттедже; и, поскольку в это время года такие посещения уже не осуществлялись пешком, она начала прислушиваться к шуму кареты, когда к ним забежала младшая из барышень Масгроув. Первой черной мыслью, возникшей при ее появлении, было что мисс Масгроув пришла принести извинения и им придется провести вечер в своем тесном кругу; и Мэри уже совершенно настроилась оскорбиться, но тут Луиза внесла ясность и все исправила, объяснив, что в карету поместили арфу, и поэтому ей всего лишь не хватило места и она пришла пешком.

– И я расскажу вам, какая тому причина, – добавила она, – и все-все остальное. Так вот, я прибежала предупредить вас, папа и мама сегодня вечером совсем пали духом, особенно мама; она только и думает о бедняге Ричарде! И мы придумали, лучше взять с собой арфу, поскольку арфа, похоже, развлечет ее больше, чем фортепьяно. Сказать вам, почему она в такой печали? Когда Крофты нанесли нам визит этим утром (они ведь зашли потом и к вам, не правда ли?), они, оказывается, говорили о ее брате, капитане Вентворте, который как раз возвратился в Англию, или вышел в отставку, или еще что-то в этом роде, и приезжает повидаться с ними; и к несчастью, когда они уже ушли, маме на беду пришлось в голову разобраться, не тот ли это Вентворт, или кто-то с очень похожей фамилией, какое-то время был капитаном у бедного Ричарда; я даже не знаю, когда или где, но задолго до того, как он умер, бедняга, это точно! И, просмотрев его письма и вещи, она обнаружила, что так оно и было, и нет сомнений, это точно должен быть тот самый человек, и ее голова теперь переполнена только этим и бедным Ричардом! Нам теперь нужно изо всех сил стараться веселиться, а то она так и застрянет на этих мрачных думках.

Реальные обстоятельства этой патетической части истории семейства были таковы: Масгроувы на свою беду имели совершенно неисправимого сына, причинявшего им массу беспокойства, и на свое счастье потеряли его прежде, чем он достиг двадцатилетнего возраста; этого непутевого и бестолково го отпрыска, с которым справиться на берегу они уже не могли, отослали служить на море; любили его в семье не слишком, беспокоились и того меньше, впрочем, ровно настолько, насколько он того заслуживал; о себе он давал знать крайне редко, и едва ли о нем вообще горевали, когда два года назад вести о его смерти где-то далеко за пределами страны с трудом преодолели путь до Апперкрасса.

По правде сказать, хотя его сестры теперь и старались сделать для него все, что могли, называя «беднягой Ричардом», прожил он не кем иным, как тупоголовым, бесчувственным, никчемным Диком Масгроувом, никогда не сделавшим ничего, чтобы заслужить право носить полное свое имя, и оставался всего лишь Диком, живым или мертвым.

Он провел несколько лет на море и за время своих перемещений, характерных всем корабельным гардемаринам, но особенно тем, от которых любой капитан желает избавиться, провел шесть месяцев и на борту фрегата капитана Фредерика Вентворта «Лакония», и с «Лаконии» он, по требованию своего капитана, написал два письма, которые отец и мать получили от него за все время его отсутствия; то есть единственные два бескорыстных письма: все остальные письма являли собой всего лишь просьбы выслать денег.

В каждом из этих писем он хорошо отзывался о своем капитане; но так мало они привыкли обращать внимание на это, столь невнимательными и нелюбопытными были они относительно имен моряков или судов, что едва ли в то время они обратили внимание и на это имя; и то, что миссис Масгроув внезапно озарила, и именно в тот день, вспышка, позволившая ей вспомнить имя Вентворт, как-то связанное с ее сыном, казалось одной из тех необычных игр памяти, которые иногда происходят.

Она достала письма и там нашла подтверждение своему предположению; и чтение этих писем, теперь, через столько лет после того, как бедный ее сын покинул их навсегда и его ужасный характер и все его проступки уже стерлись из памяти, чрезмерно подействовало на состояние ее духа и погрузило ее в такую глубокую печаль о нем, которой она не знала даже тогда, когда впервые услышала о его смерти. На мистера Масгроува, хотя и в меньшей степени, все это подействовало сходным образом; и когда они достигли коттеджа, им совершенно очевидно требовалось, во-первых, чтобы их снова выслушали по волнующей их теме, ну а потом утешиться в своем жизнерадостном окружении.

Слышать, как они говорят так много о капитане Вентворте, слишком часто повторяют его имя, перебирают в памяти прошлое и наконец приходят к выводу, что он (и ведь могло же такое случиться) и был тем самым капитаном Вентвортом, кого они, как они вспомнили, встречали, раз или два, по возвращении из Клифона (прекрасный молодой человек), но они не могли сказать, случилось это семь или восемь лет назад, – все это явилось новым испытанием для самообладания Энн. Но, как бы там ни было, ей явно предстояло отныне приучить себя к подобной пытке. Получалось, ей предстояло научиться оставаться безучастной, раз уж ожидалось его появление, и причем скорое появление. И мало того, Масгроувы, переполненные горячей благодарностью за доброту, которую он проявил в отношении их бедного Дика, высоко превозносили его характер, о котором говорило уже то, что шесть месяцев бедняга пребывал под его опекой, и упоминали в сильной, хотя и не литературно совершенной похвале как «лихого парня, только слишком уж похожего на школьного учителя», решили с нетерпением ждать возможности быть ему представленным и завязать с ним знакомство, как только они услышат о его приезде.

Так было решено, и вечер дальше шел покойно и безмятежно.

Глава 7

Не прошло и нескольких дней, как все узнали о приезде капитана Вентворта в Келлинг, и мистер Масгроув нанес ему визит и, возвратившись, горячо превозносил его и сообщил домашним, что договорился с Крофтами об обеде в Апперкроссе в конце следующей недели. Мистер Масгроув сильно огорчился из-за невозможности назначить для посещения более раннюю дату, с таким нетерпением желал он продемонстрировать свою благодарность, принимая капитана Вентворта под крышей собственного дома и приветствуя его всем, что было самым лучшим и крепким в его погребах. Но предстояло ждать, пока пройдет целая неделя; всего неделя, как сочла бы Энн, а затем им предстояло встретиться; но скоро Энн пожалела, что даже и эту неделю ей не пришлось чувствовать себя в безопасности.

Капитан Вентворт очень поспешил нанести ответный визит мистеру Масгроуву, пожелав ответить на его любезность, и она лишь по случайности не зашла к ним в те же полчаса его визита. Они с Мэри уже фактически отправились по направлению к Большому дому, где, как она узнала впоследствии, они бы неминуемо с ним столкнулись, но тут случилось непредвиденное. Старший из мальчиков неудачно упал, и его принесли в тот момент домой. Несчастный случай с ребенком отложил в сторону любые посещения; но она не могла безразлично воспринимать известие о своем спасении, несмотря на серьезное беспокойство, которое испытывала по поводу состояния мальчика.

Несчастный вывихнул себе ключицу и настолько сильно ушиб спину, что это вызывало самые тревожные опасения. Весь оставшийся день был наполнен страданиями, и Энн приходилось все делать одновременно: послать за аптекарем, отыскать отца и сообщить ему о случившемся, подбодрить мать и удержать ее от истерики, раздать указания слугам, отогнать младшего мальчика, обласкать и успокоить бедного страдальца; и, кроме этого, послать, как только она вспомнила про это, надлежащее сообщение в другой дом, что добавило ей скорее перепуганных и недоумевающих зрителей, чем полезных помощников.

Возвращение зятя явилось первым утешением: он сумел взять на себя заботу о жене, и уж совсем она успокоилась при появлении аптекаря. Пока он не прибыл и не исследовал ребенка, их предчувствия оставались самыми худшими, будучи неопределенными; они подозревали большие повреждения, но не знали, где именно; но теперь ключица была скоро поставлена на место, и хотя мистер Робинсон все шупал, и шупал, и тер, и мрачнел, и тихо беседовал с отцом и тетей, тем не менее они все уже надеялись на лучшее и смогли разлучиться и отобедать в терпимом спокойствии духа; и затем, уже перед самым расставанием, две младшие тетки нашли в себе силы отвлечься от состояния здоровья племянника и сообщить всем о визите к отцу капитана Вентворта; задержавшись после ухода отца с матерью еще минут на пять, они тут же попытались рассказать, в каком они от него совершенном восторге, насколько красивее, обходительнее он им показался, нежели любой другой представитель мужского пола среди всех их знакомых, из тех даже, кто раньше снискал и пользовался их благосклонностью.

Как было они обрадовались, услышав, что папа пригласил его остаться на обед, и как сожалели, когда он сказал, что совсем не может себе сегодня этого позволить, и как обрадовались снова, когда он пообещал ответить на папино и даже более настоятельное мамино приглашение приехать и отобедать с ними на следующий день, правда-правда, уже завтра; и он пообещал это с такой благожелательностью, словно подчеркнул этим, как правильно он понял причину проявленного к нему с их стороны внимания. Короче, и выглядел он элегантно, и говорил он с изысканной любезностью, что они могли заверить их всех, он вскружил им обеим голову; и они убежали, ликующие и влюбленные, и капитан Вентворт явно занимал их намного больше, чем маленький Чарльз.

Рассказ и восторги повторились, когда в вечерних сумерках обе девушки пришли уже с отцом разузнать, как обстоят дела; и мистер Масгроув, уже освободившийся от первых волнений по поводу самочувствия своего наследника, смог подтвердить их впечатление, и добавить своих похвал, и выразить надежду, что теперь больше не возникнет повода отменить обед с капитаном Вентвортом, и только выразил сожаление, что обитатели коттеджа, судя по всему, не захотят оставить маленького мальчика ради встречи с капитаном.

– Ох! Нет! Как можно оставить ребенка! – И отец и мать еще недавно только пережили слишком сильную тревогу, чтобы допустить эту мысль; а Энн, обрадовавшись избавлению, не смогла сдержаться и присоединилась к их горячим протестам.

Правда, чуть позже Чарльз Масгроув начал склоняться к другому решению: ребенок шел на поправку, а ему слишком уж хотелось быть представленным капитану Вентворту, и, возможно, он мог бы присоединиться к ним позже вечером; он не стал бы там обедать, но вполне сможет заглянуть туда на полчаса. Но тут же был нетерпеливо атакован женой, набросившей на него со словами:

– Ах! Чарльз, нет и нет, я не выдержу, я не смогу тебя отпустить. Ты только подумай, а если что-нибудь случится?

Ребенок хорошо провел всю ночь, и ему стало много лучше на следующий день. Требовалось время, чтобы удостовериться в отсутствии повреждений в позвоночнике; но мистер Робинсон не нашел ничего угрожающего, ничего, усиливавшего опасения и тревогу, и соответственно Чарльз Масгроув начал сомневаться в необходимости продолжать свое добровольное заключение. Ребенка необходимо было держать в постели и развлекать по возможности чем-то очень спокойным; но отцу-то что оставалось делать? Вполне посильное дело для женщины, и было бы совершеннейшей нелепостью, если бы он, крайне бесполезный дома, продолжал держать себя в заточении.

Отец очень желал познакомить сына с капитаном Вентвортом, и в отсутствие достаточного основания не появляться там он обязан идти; и его размышления привели к решительному и открытому заявлению, сразу по возвращении с охоты, что он твердо намерен тут же переодеться и обедать в другом доме.

– С ребенком все обстоит как нельзя лучше, – объявил он, – и я предупредил сейчас отца о своем приходе, и он посчитал мое решение правильным. Ну а поскольку с тобой остается твоя сестра, любовь моя, у меня вообще нет ни малейшего сомнения. Ты сама не захотела бы оставить его, но ты же видишь, я совершенно бесполезен. Энн пошлет за мной, если случится непредвиденное.

И мужья и жены обычно понимают, когда все возражения тщетны. Мэри уже по внешнему виду Чарльза догадалась: он бесповоротно решил уйти и бесполезно надоедать ему с просьбами. Она не произнесла ни слова, пока он не вышел из комнаты; но, как только они остались вдвоем с Энн, запричитала:

– Итак, нас с тобой оставили обходиться без всякой помощи, с этим бедным больным ребенком на руках; и ни единое живое существо не пройдет даже мимо за весь вечер! Так я и знала, так я и знала. Мне, как всегда, не везет. Стоит произойти хоть малейшей неприятности, как мужчины всегда выкрутятся, и Чарльз ничуть не лучше их всех. Какой же он бесчувственный! Ведь правду я говорю, жестоко убегать от собственного бедного мальчугана. И все эти разговоры, видите ли, он поправляется! Откуда ему знать, что мальчик поправляется или что через какие-то полчаса все не изменится к худшему? Не ожидала я от Чарльза проявления подобной бесчувственности. Вот так вот, он, значит, уходит развлекаться, а я, раз я мать, мне, бедной, и выйти из дому нельзя; хотя мне-то как раз и труднее всего оставаться подле ребенка. Ведь я же ему мать – это самая веская причина, почему мои чувства нельзя подвергать испытанию. Я несколько не пригодна для этого. Ты же видела, какая со мной случилась истерика вчера.

– Но это же произошло с тобой только от неожиданности, от тревожного ожидания последствий, это был шок. Больше ты не поддашься истерике. Полагаю, нам не из-за чего станет беспокоиться. Я прекрасно поняла указания мистера Робинсона и ничего не опасаясь; и, право, Мэри, я могу понять твоего мужа. Уход за ребенком и за больными – не мужское дело, они к этому не приспособлены. Больной ребенок всегда остается на руках матери: ее собственные чувства обычно побуждают ее к этому.

– Надеюсь, я люблю своего ребенка не меньше любой другой матери, но я не уверена, будто от меня больше пользы в комнате больного, нежели от Чарльза, не могу же я постоянно бранить или одергивать бедного ребенка, когда он болен; и ты же видела, как этим утром, когда я велела ему лежать тихо, он явно только сильнее начал брыкаться. У меня не хватает нервов на подобные вещи.

– Но разве ты сама сможешь оставаться спокойной весь вечер вдали от бедного малютки?

– Да, ты же видишь, его папа может, а почему я не должна? Джемайма настолько заботлива и внимательна, и она могла бы посылать нам известия о его состоянии каждый час. Я и правда думаю, Чарльзу вполне следовало бы сказать отцу о нас обо всех. Сейчас я не больше тревожусь за маленького Чарльза, чем он. Я была ужасно встревожена вчера, но сегодня – все совсем иначе.

– Ладно, если ты не считаешь, что уже слишком поздно сообщить о твоём приходе, полагаю, тебе стоит пойти вместе с мужем. Оставьте маленького Чарльза на мое попечение. Мистер и миссис Масгроув не подумают плохого, если я останусь с ним.

– Ты это серьезно? – вскричала Мэри, ее глаза засияли. – Вот это да! Это же отличная мысль, ну конечно, отличная. Разумеется, я с одинаковым успехом могу пойти или не пойти, поскольку дома от меня никакой пользы, разве нет? Я тут только извожу сама себя. Вот у тебя совсем нет материнских чувств, и поэтому ты сейчас самая подходящая сиделка. Ты можешь заставить маленького Чарльза делать все; он и всегда-то слушается тебя с полуслова. Так будет много лучше, чем если бы мы оставили его только с Джемаймой. О! Я обязательно пойду; я уверена, мне необходимо туда пойти, коли я могу, ничуть не меньше, чем Чарльзу, ведь они особенно хотят, чтобы я познакомилась с капитаном Вентвортом, и я знаю, что ты вовсе не против остаться одна. Право, тебе пришла в голову превосходная мысль, Энн. Я пойду скажу Чарльзу и тотчас же буду готова. В случае чего ты можешь сразу же послать за нами, ты же знаешь, но я уверена, ничего такого, чтобы встревожить тебя, не должно случиться. Я никуда не пошла бы, можешь быть уверена, если бы я не чувствовала себя совершенно спокойно в отношении моего дорогого ребенка.

Через минуту она уже стояла в дверях туалетной комнаты мужа, и, поскольку Энн последовала за нею наверх, она успела застать всю их беседу, которая началась с ликующего обращения Мэри:

– Я собираюсь пойти с тобой, Чарльз, поскольку дома от меня не больше пользы, чем от тебя. Если бы мне пришлось запереть себя навеки с этим ребенком, мне и тогда не удалось бы убедить его делать то, что ему не нравится. Энн останется; Энн решила остаться дома и позаботиться о нем. Энн сама все это предложила, и поэтому я пойду с тобой, и так будет намного лучше, поскольку я уже начиная со вторника ни разу не обедала вне дома.

– Это очень любезно со стороны Энн, – прозвучало в ответ, – и я с удовольствием возьму тебя с собой, но не слишком ли жестоко оставлять ее дома одну, да еще нянчиться с нашим больным ребенком.

Энн подошла и могла сама изложить Чарльзу свои доводы, и ее искренности вскоре оказалось достаточно для убеждения, тем более убедиться в этом ему было по меньшей мере очень приятно, и он отбросил все остальные угрызения совести, связанные с тем, что они оставляли ее обедать одну, хотя он все еще хотел, чтобы она присоединилась к ним вечером, когда ребенка уложат спать на ночь, и любезно убеждал ее позволить ему приехать и забрать ее, но

уговорить ее не удалось; и раз так, она вскоре с удовольствием наблюдала, как они вдвоем отправились в гости, оба в приподнятом настроении. Они ушли, она надеялась, счастливые, каким бы странным ни показалось такое счастье; что касается ее самой, она была оставлена с таким ощущением спокойствия и удовлетворенности, какого, возможно, еще никогда ей не довелось испытывать. Она знала, что действительно оказывалась больше всех полезна ребенку; и какое ей было дело, если Фредерик Вентворт и находился всего в полумиле от нее, охотно стараясь понравиться другим.

Энн хотелось бы знать, как он отнесся к их встрече. Возможно, безучастно, если реально говорить о безразличии при таких обстоятельствах. Скорее всего безучастно, или вовсе не желал этого. Ведь, если бы он только хотел снова ее увидеть, ему не пришлось бы столько ждать; он поступил бы так, как она не могла себе позволить. Но она непременно нашла бы возможность встретиться (и ей в это искренне верилось), окажись она на его месте, и сделала бы это давно, когда еще раньше обстоятельства позволили ему обрести независимость, которой им только и не хватало для счастья.

Сестра с мужем возвратились в восторге от своего нового знакомства и от проведенного в Большом доме вечера. Там были музыка, пение, разговоры, смех – полный набор для приятного времяпрепровождения; обаятельные манеры капитана Вентворта, никакой робости или скрытности; казалось, они все давно и хорошо знакомы друг с другом, и уже следующим утром они с Чарльзом отправлялись на охоту. Его ожидали к раннему завтраку, но не в коттедж, хотя это и обсуждалось сначала; но потом его уговорили предпочесть Большой дом, к тому же он опасался помешать миссис Чарльз Масгроув, из-за ребенка, в общем, так или иначе, они едва ли точно помнили почему, но они с Чарльзом договорились встретиться на завтраке у мистера Масгроува.

Энн не надо было ничего объяснять. Он желал избежать встречи с ней. Как выяснилось, он спрашивал о ней, не заостряя особого внимания, как если бы о прежней мимолетной знакомой, скорее чтобы подтвердить, как она уже подтвердила это давнее знакомство, возможно, под влиянием того же желания избежать процедуры представления друг другу, когда им все-таки придется встретиться.

Утренние часы в коттедже всегда начинались позже, чем в другом доме, но на следующий день различие оказалось слишком велико, и Мэри с Энн еще только приступили к завтраку, когда Чарльз заглянул к ним предупредить, что они уже собрались охотиться и он зашел забрать собак, а сестры идут за ним следом с капитаном Вентвортом; и, поскольку девушки вознамерились навестить Мэри и ребенка, капитан Вентворт также вызвался, если только это не вызовет неудобства, нанести ей короткий визит, буквально на несколько минут; и, хотя Чарльз ручался за состояние ребенка, которое в любом случае позволяет сделать этот визит удобным, капитан Вентворт все же настоял, чтобы он, Чарльз, все-таки забежал и предварил их появление.

Мэри, очень довольная подобным проявлением внимания, пришла в восторг от возможности принять капитана, в то время как тысяча чувств стремительно нахлынули на Энн, из которых самым утешительным было лишь одно: все это скоро кончится. И все действительно скоро кончилось. Спутники Чарльза появились минуты через две за ним; все прошли в гостиную.

Их взгляды едва встретились, капитан Вентворт поклонился, правила этикета соблюдены; она слышала его голос, он поболтал с Мэри, сказал ей какие-то уместные случаю слова, по-дружески обратился к барышням Масгроув, этого ей было достаточно, чтобы понять непринужденность их отношений; комната, казалось, заполнилась людьми и голосами, но не прошло и нескольких минут, как сразу все кончилось. Чарльз показался в окне, все было готово, их посетитель поклонился и ушел, барышни Масгроув тоже ушли, внезапно приняв решение про-

гуляться до конца деревни вместе с охотниками; комната опустела, и Энн могла вернуться к прерванному завтраку, или хотя бы попытаться.

– Все кончилось! Все кончилось! – повторяла она про себя снова и снова, с благодарностью за эту милость. – Самое плохое кончилось!

Мэри о чем-то болтала, но она не могла уследить за ходом ее мысли. Она увидела его. Они встретились. Они снова оказались с ним в одной комнате.

Скоро, однако, она попыталась урезонить себя и унять волнение. Восемь лет, почти восемь лет прошло с тех пор, как она от всего отказалась. Как абсурдно снова поддаваться смятению чувств, которые за это время растворились в далях расстояний и тумане неясности! Чего только не могли сделать восемь лет? События самого разного толка, перемены, расставания, переезды (все, все должно было вписаться в них, и прошлое предано забвению), как все естественно, и вместе с тем неизбежно! Эти восемь лет – почти третья часть ее жизни.

Увы! Сколько бы она ни рассуждала, для настоящих чувств восемь лет оказались всего лишь немногим больше, чем ничего.

Ну а что чувствовал он? Желал ли он сторониться ее? И в следующий миг она казнила себя за безрассудство, побудившее вообще задаться этим вопросом.

Был еще один вопрос, над которым, возможно, даже ее предельно разумные рассуждения не помешали бы ей задумываться. Но на него-то ей вскоре суждено было получить ответ, избавивший ее от неопределенности; так как после того, как обе барышни Масгроув вернулись и снова покинули коттедж, Мэри совершенно неожиданно заметила:

– Капитан Вентворт не очень галантно ведет себя с тобой, Энн, хотя и был так предупредителен со мной. Генриетта выспросила его мнение о тебе, когда они ушли, так он сказал, что ты сильно изменилась, и он бы даже не узнал тебя.

Мэри вообще редко считалась с чувствами сестры, но сейчас она и вовсе не подозревала, что своими словами растравливает какую-то особую рану.

«Изменилась до неузнаваемости». Энн покорила, погрузившись в молчаливую, глубоко смиренную подавленность.

Разумеется, все так и есть, и ей нечем было успокоиться, поскольку он совсем не изменился, или совсем не изменился к худшему. Она уже призналась себе в этом, и она не могла думать по-другому, каким бы жестоким ни казался его приговор ей самой. Нет, за годы, унесшие весеннее цветение ее юности, он сильно возмужал, приобрел независимый вид, живые и открытые манеры, но черты его приятного лица не изменились. Она видела перед собой того же самого Фредерика Вентворта.

«Так изменилась, что он не узнал бы ее!» С этими словами ей придется жить. И все же она скоро начала радоваться, что услышала их. Они здорово отрезвляли, они ослабляли волнение, несли покой, а потому им предстояло сделать ее более счастливой.

Фредерик Вентворт произнес эти слова, или какие-то другие, похожие, вовсе не подозревая, как скоро их передадут ей. При встрече с ней он в первый же момент нашел ее ужасно переменившейся, и сказал то, что почувствовал. Он не простил Энн Эллиот. Она дурно обошлась с ним, покинула его и обманула его надежды; и хуже того, она показала малодушие, чего он сам, решительный, уверенный в себе, не смог вынести. Она отказалась от него, отказалась в угоду другим. Под воздействием чересчур убедительных уговоров. Она проявила слабость и робость.

Он был слишком горячо привязан к ней, и с тех пор ни разу не встретил женщину, которую смог бы посчитать ей равной; но, исключая некоторое, вполне естественное желание удовлетворить свое любопытство, он совсем не стремился снова встретиться с ней. Ее власть над ним ушла навсегда.

Сейчас он поставил перед собой цель жениться. Он был богат и, сойдя на берег, намеревался основательно обосноваться где-нибудь, как только сумеет должным образом прельститься кем-нибудь; и в настоящий момент он оглядывался по сторонам, готовый влюбиться с той стремительностью, которую позволит ясная голова и придирчивый вкус. Он готов был отдать сердце любой из барышень Масгроув, если они сумеют им овладеть; другими словами, любой привлекательной молодой женщине, оказавшейся у него на пути, но только не Энн Эллиот. Это было его тайное условие, но он молчал о нем, когда признавался сестре, подтверждая ее предположения и догадки:

– Да, вот он я, София, в самом деле, я готов жениться, и даже жениться безрассудно. Любая девушка между пятнадцатью и тридцатью может иметь на меня виды. Немного привлекательности, несколько улыбок, несколько похвал морякам, и я – потерянный человек. Разве этого не достаточно для моряка, лишенного общества женщин, которому негде научиться быть привередливым?

Он сказал это, она знала, и хотел бы услышать возражения. Его живые, светящиеся гордостью глаза говорили о счастливом убеждении в своей неотразимости человека, по всему видно, не научившегося быть привередливым. Энн Эллиот не совсем исчезла из его мыслей, когда он более чем серьезно описывал женщину, с которой желал бы встретиться. «Решительная, крепкая духом, но мягкая и ласковая» – таково было ее первое и последнее описание.

– Вот какую женщину я хочу встретить, – сказал он. – Конечно, я смогу чуть снизить планку, но не слишком. Если я – глупец, я буду глупцом до конца, поскольку я думал на эту тему больше, чем большинство мужчин.

Глава 8

С того дня капитан Вентворт и Энн Эллиот почти все время вращались в одном и том же кругу. Очень скоро они встретились на обеде у мистера Масгроува, поскольку состояние маленького мальчика больше не могло обеспечивать его тетю отговоркой для отсутствия за столом; и это оказалось всего лишь началом череды других обедов и других встреч.

Суждено ли возродиться былым чувствам или нет? Оба подверглись испытанию, и подтверждение того или иного ответа должно было неизбежно проявиться, ведь прежние времена, несомненно, всплывали в памяти каждого из них, даже помимо их воли; *они* не могли не обратиться к воспоминаниям; год их помолвки не мог не быть упомянут, пусть мимоходом, по ходу рассказа или описания, возникавшего в ходе беседы. Его профессия определяла темы, его положение приводило к замечаниям; и фразы «это случилось в шестом» или «это случилось до того, как я отправился в море, в шестом году» повторялись весь первый вечер, который они провели вместе, и, хотя голос его вовсе не дрожал и у нее не было никакого повода утверждать, будто он при этом перевел на нее взгляд, Энн, зная его душу, понимала, что и его не миновали воспоминания, нахлынувшие на нее. У обоих неизбежно возникали одинаковые ассоциации, только она была очень далека от мысли, что они вызывали равную боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.